

О.Н. СКУБИЦКАЯ

ПРОЛОГ
БНА

12+

Ольга Скубицкая

Тропою сна

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Скубицкая О. Н.

Тропою сна / О. Н. Скубицкая — «ЛитРес: Самиздат», 2017

- Любите поспать?- Кто не любит.- А видеть обалденно красивые сны?- Ну еще бы.- Как насчет поселится в них?- Может не стоит, там же и кошмары бывают?!Замкнутая чудачка Эля тоже так считала, пока не потерялся ее ребенок. Жаль, иногда нет выбора, и судьба подкидывает безумные цели: найти сына в чужих сновидениях, подружиться с карманным ужасом и завести сумасшедшую гадюку. А вы уверены, что бодрствуете, или это только сон?

Книга была потрясающей: эмоционально насыщенной, затягивающей, оригинальной. Сюжетные линии извивались, словно клубок диковинных змей. Она заставляла сопереживать и смеяться вместе с ее персонажами, вдыхать новые запахи их таинственных миров, вместо бумажного переплета чувствовать под пальцами приятную прохладу аппаратуры космических кораблей, впитывать звездный блеск необъятного космоса. И конечно, до умопомрачения любить странноватую, необъяснимо загадочную девушку, потомка то ли кочевников Серой солнечной системы, то ли вождей блуждающей планеты. Страницы освещались светом ее глаз, сосредоточенный, немного безумный взгляд пробирался под кожу и оседал в крови, а сладковатый запах волос будоражил обоняние.

Перечитывая в который раз, он и сегодня никак не мог прерваться, слыша за шорохом листов звук ее голоса, и лишь накопившаяся усталость ослабила хватку судорожно сжимавших книгу пальцев. Учебники и медицинские справочники с превосходством и укоризной взирали на выскользнувшую из рук хозяина соперницу, мечтая отрастить конечности и выкинуть ее в окно.

Темнота сна засмеялась так задорно и искренне, как может смеяться только очень легкий, целостный и счастливый человек на стыке лет меж детством и шальной юностью.

Она сжала в жадную пригоршню все его силы, скомкала в липком кулаке и сдула с ладони в сизое море.

1

В детской его не было, на балконе тоже, в спальне лишь измятое покрывало намекало на его недавнее присутствие. Эля заглянула на кухню, заранее готовясь увидеть, как сын, вскарабкавшись на шаткий стул с хромированной спинкой, тянется к полке с конфетами, но и там его не оказалось. Страх не заставил себя долго ждать, в который раз показав Эле, что за себя бояться проще, чем за своего ребенка. Запертая изнутри дверь не оставляла сомнений: сквозь нее никто не выходил, не говоря уж о том, что не достигший еще и трех лет малыш попросту не смог бы отомкнуть хитрый замок.

– Кроха... – еле слышно захрипел не к месту осипший Элин голос, пока его обладательница металась по комнатам, в панике проверяя по второму кругу запоры окон, шкафы, ванную.

Уже не веря ни себе, ни элементарной логике, она трясейшей рукой дернула задвижку окна и, распахнув створку, боязливо глянула вниз с четвертого этажа. Но там колыхалась лишь непрямая трава и матерый дворовый котиче пробирался по ней, маневрируя, как гондола в узких каналах Венеции. Растерянный взгляд девушки перескакивал с одной детали внутреннего дворика на другую, она боялась, что на этот раз ее маленький сынок не вернется.

Но тут со стороны прихожей раздался знакомый приглушенный звук и невнятное детское бормотание. Эля еще никогда так быстро не бегала. Механизм замка сухо щелкнул.

В тамбуре между двумя квартирами прямо на полу сидел хорошенький мальчик, он смеялся и жестикулировал, а еще бормотал что-то невнятное, глядя в стену, причем так осознанно, будто с кем-то разговаривал.

– Эмиль! – с облегчением выдохнула девушка и подхватила на руки мигом потянувшегося навстречу грязными ручками ребенка. – Как же ты меня напугал!

Крошечное сердечко радостно забило ей в плечо; когда-то она и предположить не могла, что только это будет погружать ее в ощущение полного спокойствия и счастья. Малыш пах клубничными конфетами и пластилином, для Эли этот запах ассоциировался с беззаботностью.

– Ма-ма... – пробормотал он и обнял ее за шею.

От удивления девушка остановилась как вкопанная, так и не переступив порог квартиры.

– Зубиии... Зубббиии, – забавно коверкая слово, выдохнул ей в ухо ребенок и радостно засмеялся, тыча пальчиком в стену, у которой только что сидел.

– Какие зубы? – Эля шагнула за порог и через плечо обернулась в направлении, которое указывал сын.

– Там зубы и глаза, – указал ребенок на стену, частично покрытую облупившейся зеленой краской.

– Ты их боишься, мой фантазер?

В ответ сын только радостно засмеялся.

Целый день она не спускала с него глаз, порою, прервав дела, порывисто обнимала и чмокала в светлую макушку, – просто так, чтобы удостовериться, что он рядом, что никуда не делся.

Страх уже давно сплел клубок в ее сердце, еще с тех пор, как Эмиль научился говорить. Сначала ей казалось, что все его слова – выдумка разошедшегося детского воображения, многие малыши болтают несусветную чушь, но родители, естественно, не принимают ее всерьез.

Элин сын не только болтал. Он указывал пальчиком в совершенно пустые углы, будто видел там что-то недоступное маминому зрению, ни с того ни с сего начинал залиvisto смеяться над чем-то, что слышал и понимал только он. Он пытался объяснить «бестолковой» маме, что вот там, где Эля видит шкаф, еще есть дерево с синими листиками, а внутри вон той игрушки прячется чья-то когтистая рука. Со временем девушка привыкла спокойно воспринимать заявления, что от печки на кухне начинается белая вода, а к вечеру там же стоит темный страшный человек. Может, оттого, что сама всегда была неисправимой фантазеркой и, прочитав очередную книгу, «селила» в человеческий мир то прекрасных вампиров, то отвратительных чудовищ, а то и прирученных василисков. Выдумки мальчика все время менялись, и чем лучше он говорил, тем четче становились описания видимых только им персонажей и событий и тем больше укоренялся в Эле безотчетный страх, напоминавший то ли холодную змею, свернувшуюся в животе, то ли предчувствие грядущей беды.

Своими опасениями она могла поделиться только с двумя людьми, чем и занялась вечером.

Эмиль безмятежно спал в своей комнате: еще бы, на этот раз вокруг него махали крыльшками разноцветные бабочки, чем он не преминул поделиться с Элей, прежде чем закрыл уставшие, но восхищенные глазенки.

Кухню освещал лишь мутный кружок желтого света, так что все предметы, кроме стола, прятались в тени. Мохнатый абажур лампы был опущен низко. Редкие гости давно перестали спрашивать о том, действительно ли он сделан из натурального меха, – и к лучшему, ведь хозяйка квартиры никогда не рассказывала, из чего и как мастерит свои экзотические аксессуары для интерьеров. На совершенно немислимой по цвету и форме полке стучали, сталкиваясь, шарики вечного двигателя Ньютона. А обтянутый мягким покрытием подоконник, расширенный стеклярусом, сверкал, как драгоценность из сокровищницы царицы Савской, на которую Эля и примостилась, свесив ноги и сложив руки на коленях, как прилежная школьница.

– В нашем мире бывает все что угодно, поэтому можно брать в расчет прохождение сквозь стены или даже телепортацию, – Лем говорил медленно, вдумчиво, растягивая слова, а порой глотая окончания. Его мыслительная деятельность всегда опережала вербальную.

Эля с легкостью представляла, как все гипотезы и предположения еле умещаются в кудрявой голове, иногда ей даже казалось, что серпантин волос, торчавших во все стороны, лишь закономерное продолжение его чересчур активного мозга. Однако ответить не успела, в замке входной двери повернулся ключ, и она с радостью соскочила с подоконника, направляясь в прихожую.

Молодой человек разувался в темноте у двери. Эля, как обычно, подавила желание повиснуть у него на шее, лишь тихо застыла, прислонившись виском к стене.

От него пахло трудным разговором и ветреной кокетливой девушкой – тяжелый запах сигарет и легкий флер цитрусовых духов. Пассивным курильщиком Янош становился только в кабинете начальника, ну а аромат парфюма явно зацепил при общении с новой поклонницей.

– Представляю, что он наплел тебе, – сказал Ян, пренебрежительно отпихивая в сторону новомодные кроссовки Лема.

– Я все слышу, – раздалось из кухни.

– Слышать – это неплохо, но порою надо еще и думать. В очередной раз подпитываешь ее фантазии своим неумным вниманием? – бросил Ян, проходя мимо девушки в кухню и присаживаясь на свой любимый стул.

Тот был такой же фундаментальный, непоколебимый и надежный, как и сам Янош, и в этой квартире, среди разномастной, порой нефункциональной, а порой даже нелепой мебели, этот стул единственный не претерпел изменений от рук хозяйки. Он нравился Яношу, а значит, приукрашивать его на свой вкус Эле даже в голову бы не пришло.

– Так, фантазеры-шизофреники, – продолжил решительный баритон Яноша. – Хватит страдать фигней, а давайте-ка рассуждать логически.

Лем с усмешкой покосился на него и отвернулся к окну, их подруга снова заняла привычное место на подоконнике.

– Наверняка есть и разумное объяснение тому, почему ребенок оказался за дверью. В-первых...

– Ты голодный? – спросила Эля, помня о ненормированности его рабочего дня.

– Перебивать людей некультурно. Сколько раз можно повторять? Ну когда я научу тебя элементарной вежливости?

Парень сидел в тени, и девушка не могла четко видеть его лицо, но почти физически ощущала, как он измотан. Не обращая внимания на ворчание, Эля предложила попробовать блюдо, которое впервые приготовила. Лем плотоядно облизнулся, несмотря на то, что свою пайку уже слопал и был невозможно сыт.

– Ну давай, – сдался Янош. – А то мать наверняка сварганила что-нибудь несъедобное.

Пока он ел, в кухне висела выжидающая тишина. Лем смотрел куда-то вдаль и молчал, а Эля наблюдала, как длинная челка Яноша занавешивает загорелый лоб и как он раздраженно откидывает ее в сторону. Фантазия девушки в данный момент называлась: «муж пришел домой, а любящая жена потчует его потрясающим ужином».

– Круто, да? – полюбопытствовал Лем.

– Нормально, – как всегда, ответил Янош. – Снова не расскажешь, из чего это?

– А зачем? Приходи в любое время и ешь сколько захочешь.

– Все еще думаешь, что путь к сердцу – через желудок? – полюбопытствовал Лем, когда Янош отправился мыть руки.

Эля только вздохнула:

– Тогда бы он еще в школе...

– О чем шепчемся? – повысил голос Янош, выходя из ванной.

– Для того и шепчемся, чтобы ты не услышал, – ответил Лем.

Эля понимала, что самая большая разница между ними в том, что один просто считает ее ненормальной, а другой, зная, что она ненормальная, считает, что это нормально.

– Так вот, ты могла, вынося мусор, к примеру, не увидеть, как Эмиль юркнул в дверь.

– А когда шла обратно, в тамбуре его тоже не заметила? – возразил Лем.

– Она же рассеянная, к тому же он мог спуститься этажом ниже, а потом вернуться обратно.

– Ну да, а дверь в тамбур Эмиль сам за собой закрыл? Не дотянулся бы.

– Я вообще никуда сегодня не выходила, – прервала их девушка.

– Тогда другой вариант...

– Ян, не надо, я действительно невнимательная и задумчивая, но он для меня – самое важное в жизни, и ты не можешь обвинить меня в том, что я настолько плохая мать.

– Ты отличная мать, – вставил Лем, ерзая на низком пуфике, который походил на ежа из-за колючек (благо, мягких), торчавших из его боков.

– Кстати, он сегодня впервые назвал меня мамой.

– Как ты ни старалась объяснять, что его мама с папой «надолго уехали», маленькому ребенку это неважно, для него мама – ты.

– Хочется, чтобы он знал про Иру и Данила.

– Давно хотел спросить, в кого из них у него такое развитое воображение? – спросил Янош.

– Ни в кого, Иру ты знал, ну а Данил был таким же прагматичным, как и она.

– В тебя, как ни странно, – протянул Лем. – Хотя ты к его генетике имеешь лишь косвенное отношение.

– Он уже второй раз вот так непонятно исчезает и появляется. Мне... страшно.

Лем успокаивающе коснулся ее руки, а Эля тут же представила, что прикосновение принадлежит Яну, почувствовала сухую теплую кожу, чуть шершавые подушечки красивых загорелых пальцев. Чтобы отвлечься, ей пришлось срочно сжать в кулаке кисточку от занавески.

– Ты знаешь, я в чудеса не верю, и то, что ты не хочешь принять логическое объяснение, еще не говорит о том, что его нет. Переутомилась, переволновалась, задумалась, не заметила. И не надо на меня так смотреть, ты – хорошая мать, но никто не идеален. – «Особенно ты», – добавил его взгляд. – Ребенок нашелся, и это главное, в следующий раз будешь меньше отвлекаться на свои фантазии.

– Фантазировать – моя работа, – нервно перебирая пряди своих волос, напомнила Эля.

– Да брось, – махнул рукой Янош, скептически приподняв бровь. – Твое увлечение, – по-другому и не назовешь, – даже денег толком не приносит, лучше бы подалась в повара, это у тебя хоть приемлемо выходит.

Эля и не подумала обижаться, во-первых, она знала Яна так давно, что уже перестала обращать внимание на его пренебрежительную манеру общаться, а во-вторых, именно так звучал комплимент в его исполнении, хотя молодой человек вряд ли бы это признал.

– Мы теряем основную нить разговора. Что конкретно ты можешь предложить? – спросил Лем, по привычке растягивая слова.

– А что тут предложишь? Отдохнуть и перестать себя накручивать на пустом месте.

– Ты, как обычно, не отличаешься оригинальностью. В таком случае предложу я. А что, если обратиться к ненаучным методам анализа проблемы?

– Каким? – спросили одновременно Эля с Яношем, но тут за стенкой захныкал ребенок, и девушка поспешила в детскую.

– Предложишь ей обратиться к колдуну или гадалке? – скривился Янош, но это ничуть не испортило исключительной красоты его лица. Он был красив всегда: когда злился, когда надменно отчитывал друзей и коллег, когда взбирался по карьерной лестнице, невзирая на методы, и даже когда говорил страдающим по нему девушкам свое емкое и холодное «нет».

– Вообще-то к экстрасенсу.

– Не вижу разницы.

Лем ничего не ответил, и они долго сидели, глядя в разные стороны, пока не вернулась хозяйка квартиры.

– Так что за метод? – уточнила Эля, появившись в прихожей.

– Он передумал, – выразительно глядя на Лема, сказал Янош.

– Ну вообще-то нет, – чуть прокатившись на пуфике вперед и вернувшись обратно, сказал Лем. – Но пожалуй, это будет несвоевременно, оставим до критической ситуации.

Побледневшая Эля так и замерла в прихожей, обессиленно опершись о стену.

– Хватит пугать. Ты что, ее не знаешь? Напридумывает черт знает чего.

Лем промолчал, явно придерживаясь своего мнения, поэтому вибрацию мобильного в наступившей тишине слышали все.

– Да, мам, скоро буду, только успокою парочку параноидальных психов, – сказал Янош в трубку и отключился. – Так, мальчики и девочки, срочно меняем тему. Чего он проснулся?

– Сказал, что в комнате много кричащих дяденек в синей одежде.

– И?..

– Потом они куда-то ушли, на их месте появилось что-то приемлемое, и он уснул.

– Интересно, – оживился Лем.

– Еще бы, судя по описанию – военные, только вот откуда он о них знает, да еще и в таких исчерпывающих подробностях, у нас даже телевизора нет, – девушка в напряжении морщила лоб.

– Да откуда угодно, например девочка в группе рассказала. Где-то я тут у тебя видел успокаивающий чай.

Янош встал и начал открывать все подряд дверцы полосатых кухонных шкафчиков, пока не нашел нужную упаковку. Щелкнув кнопкой чайника, он шагнул в прихожую и потянул Элю за руку. И только когда усадил на жуткое творение современного модерна из кучи блестящих металлических трубок и всучил чашку с горячим напитком, источавшим запах валерьяны, продолжил:

– Детский психолог говорил тебе, что для ребенка это нормально, неокрепшая психика способна выдать любые неожиданности. Лучше подумай о том, что у Эмиля скоро день рождения, спланируй подарки, стол, список мероприятий в конце концов. – Янош старался всячески отвлечь друзей от совершенно нелепых, как ему казалось, мыслей; в их троице он еще с детства был отрезвляющим началом.

– Он только через две недели, – напомнил Лем.

– И что? Нужно все обсудить заранее.

Спустя полчаса, выжав из Эли, все еще находившейся в растрепанных чувствах, варианты возможных подарков, Янош успокоился. Разговор съехал с опасной темы на более земную и приятную. Ну а на этапе обсуждения плюсов и минусов различных украшений для детской молодой человек посчитал свою миссию выполненной.

– Ладно, я пошел. Ты со мной?

Лем, прервавшись, отрицательно покачал головой.

– Дай угадаю... – но хмурое выражение, появившееся на лице шатена, просило его не продолжать. Янош махнул рукой, а Эля кинулась заворачивать какие-то сладости собственного приготовления для женщины, которую еще со школы мечтала назвать свекровью.

Пока она шуршала пакетами, отвернувшись в сторону, Янош недвусмысленно жестиком лирировал Лему, чтобы он больше не поддерживал расстраивавшую Элю тему. Лем соорудил равнодушную мину и развернулся к окну.

Эле так хотелось попросить двери не выпускать Яноша, но дверь, к сожалению, не понимала человеческой речи.

– Отец? – проводив Яна и вернувшись на кухню, спросила она.

Парень нахмурился.

– Тебе компьютер сегодня нужен?

– Нет, буду спать. Перетаскивай его в зал, только потише, Эмиль может проснуться. Пойду постелю диван, не забудь, там ножка шатается.

– Я же в прошлом месяце ее починил. Уже не помнишь?

– Угу. На нем же спишь только ты, да и то редко.

– Ну почему же, один раз спал Ян.

Девушке не нужно было долго вытаскивать из памяти на свет тот случай, он как раз относился к эпизодам жизни, которые Эля бережно хранила и порою любовно перебирала в голове, как олимпийский чемпион золотые медали, а еще снабжала деталями, не имевшими ничего общего с реальностью. Позже, лежа в постели, она вспоминала ночь, чуть больше двух лет назад, когда Янош единственный раз остался у нее. Переутомленный после рабочего дня, уснул прямо сидя на диване. Она осторожно сдвинула его красивую голову на подушку и просидела до утра, рассматривая классические черты лица, черные как деготь пряди идеально постриженных волос, атлетически сложенную фигуру. Вдыхала знакомый до мельчайших оттенков запах мужского тела и мечтала, мечтала, мечтала...

Из прихожей пробивалась еле заметная полоска приглушенного света. Лем работал. Сон не шел, и даже привычные размышления о Яне, ранее способные при любых раскладах вернуть ее в приподнятое расположение духа, не могли отогнать другие – настойчивые, тревожные, изматывавшие. В мыслях девушки наравне с Яном уже давно царил и другой персонаж – маленький, голубоглазый, улыбчивый. С тех пор как Эля, едва живая, выбралась из горящей машины, прижимая его к груди, жизнь разлетелась на мелкие осколки, которые затем срослись в другом порядке в нечто, уже с трудом напоминающее прежнее. А сердце, которое всегда казалось переполненным только одним человеком, расширилось и впустило крохотное горько плачущее чудо. Чудо, даже не подозревая о том, оплакивало своих погибших родителей, а прибывшие на место аварии медики долго не могли вырвать из рук потерявшей сознание девушки рыдавший зеленый сверток.

Сегодня она намеренно осталась спать в детской и теперь слушала, как тихо дышит в темноте ребенок, лишь это слегка успокаивало и ободряло. Она знала, что происходит нечто странное, и пожалуй, могла бы обрадоваться каплям мистики, разбрызгавшимся по ее обыкновенной жизни, если бы это не касалось златовласого сокровища, которое давно стало для нее самым дорогим на свете.

Компьютер Лем выключил под утро, и приблизительно в это же время Эля смогла закрыть измученные бессонницей глаза, которые, как показалось, сразу же открылись, и лишь через пару секунд Эля поняла, что проспала несколько часов. А разбудили ее не изменившееся дыхание Эмиля и не клацанье посуды за стеной, а мокрые ресницы и послевкусие пережитого страха. Она никогда не помнила своих кошмаров, но точно знала, если они приходили за ней.

Часов в комнате не было, и серость утра не давала не единого ориентира во времени. Одевшись и заглянув на кухню, Эля обнаружила бодрого Лема, тихо набивавшего рот едой под рэп из наушников. Она спокойно вынула у него из руки хлеб с маслом, обильно посыпанный сахаром, положила его на стол и принялась готовить душистую пшеничную кашу с персиками и корицей.

– После трудовой ночи нужно восполнить резервы организма чем-нибудь сладким, – продолжая жевать, изрек Лем. – Мои извилины попахали сегодня на славу.

Что правда, то правда, его гениальные мозги все время требовали подпитки. «Золотая голова, – частенько говорил Митрофанов-старший – отец Лема. Но в моменты ссор с единственным сыном непременно добавлял: – Только дураку досталась».

– В холодильнике есть тирамису, а сахар с маслом ассоциируется с голодным детством в детдомах, которого у тебя, мальчик из обеспеченной семьи, и близко не было, – улыбнулась Эля, помешивая ложкой в кастрюле.

Ее всегда ужасала любовь друга к сосискам, кетчупу и заваривавшейся в пакетиках полукартошке, особенно при том, что для его семьи последние лет десять готовил прекрасный повар. Но домашнюю пищу он не любил и исключение делал только для Элиной стряпни. Вот и сейчас, слямзив со стола остатки бутерброда, продолжил заниматься гастрономическим невежеством.

– Вкусно же, и ладно.

– Подожди, через пять минут будет готова нормальная еда.

По комнате уже распространился фруктово-пряный дух.

– Угу-м, – ответил парень, с готовностью усаживаясь на пуфик.

Поставив перед Лемом тарелку, Эля заглянула в детскую. Солнце пробивалось сквозь облака, и с потолка улыбался нарисованный заяц с задорно согнутым ухом. В противоположном углу солнечный луч прошелся по серпу эмульсионной луны, окруженной звездами, затем опустился к фотообоям во всю стену, изображавшим стилизованную под старину географическую карту мира, обласкал каждую из разноцветных подушек-стульев, разбросанных повсюду, и замер на детской кровати, украшенной необычным черным рисунком, – деревянную поверхность декорировала Эля, осваивая технику выжигания.

Мальчик улыбался во сне, демонстрируя миленькие ямочки на щеках, одеяло сползло в сторону, открывая ямочки и на коленках. Эля вернула одеяло на место и тронула губами висок ребенка, думая о том, что ямочки – знаки Венеры, планеты любви.

Когда девушка вернулась, Лем одной рукой тыкал пальцем в телефон, а другая застыла с поднятой к губам ложкой каши.

– Ау, – позвала Эля.

– А?.. – ложка ляпнулась в тарелку. – Понимаешь, я тут написал одну изящную программную штучку, и если ее внедрить в рабочий процесс...

Дальше Эля не слушала, Эмиль позвал. Звонкий голосок действовал на нее, как изрядная порция бодрости. Вот уже почти три года утро для нее начиналось только тогда, когда просыпался Тимирчев-младший, причем неважно, что поначалу «утро» приходило четыре раза за ночь.

Она тут же развернулась и с улыбкой направилась обратно в детскую, но мальчик, как ни странно, мирно спал. Решив, что ей показалось, и бесшумно закрыв двери, девушка отправилась завтракать.

Лем, узнав, в чем дело, продолжил изливать подробности своей гениальной идеи. Эля редко понимала его, но пропасть между ними была не столько в уровне интеллекта, сколько в способе восприятия действительности. Впрочем, это никогда им не мешало: девушка прекрасно умела слушать, хотя порою настолько погружалась в свои мысли, что теряла ощущение реальности.

Пока друг сыпал заковыристыми терминами, Эля с аппетитом ела и, как только вылавливала в его речи что-нибудь понятное, утвердительно кивала. Вспомнив, что собиралась сесть на диету, она отодвинула тарелку, но, отвлекшись, вновь принялась за еду. Вдруг сын снова позвал ее, и девушка резко поднялась, но Лем успел поймать ее за руку:

– Ты чего?

– Эмиль зовет.

– Ничего не слышу.

Зато Эля отчетливо слышала детский голосок.

– Пусти, он проснулся.

Лем с растерянным видом разомкнул пальцы, а когда девушка спустя две минуты вернулась, его внимательные серые глаза излучали беспокойство, но во взгляде Эли беспокойства было не меньше.

– Спит, – еле слышно прошептала она и принялась разливать по чашкам ароматный травяной чай.

– Наверное, снова воображение шалит, – уголками губ улыбнулся молодой человек.

– Но я же слышала.

– Конечно, слышала. – Лем никогда бы не усомнился в словах девушки, его подруга врать не умела и поэтому даже не пыталась это делать. – Вспомни, что говорил психолог, ты очень чувствительна и восприимчив...

– А сейчас? – снова встрепелась Эля. – Ну он же разговаривает с кем-то.

В квартире было на удивление тихо, и даже отнюдь не спокойные соседи в данный момент никак не напоминали о себе. Лем замер, прислушиваясь, но слишком сонный для раннего утра дом безмолвствовал. Эля обернулась в сторону прихожей.

– Что-то рассказывает обо мне. А теперь зовет... – поспешно поставив чайник, девушка снова побежала в комнату. Жалобный голос так четко раздавался в ее ушах, что сердце защемило.

На полпути ее нагнал Лем, и дверь они тихо приоткрывали уже вместе. Мальчик мирно спал в той же позе на левом боку, и даже одеяло ничуть не сдвинулось.

Войдя в комнату, Лем прошел пару шагов и стал внимательно рассматривать ребенка, а когда обернулся к Эле, та, не отрывая взгляда от сына, опустившись на синюю подушку у двери, сжимала уши и одними губами шептала:

– Зовет... Плачет...

– Тише, успокойся, – медленно попросил Лем. – Сосредоточься, ты же видишь, с ним все в порядке. – Он подошел, погладил светлую макушку девушки и почувствовал, как она мелко трясется.

На размышления времени не было, поэтому Лем, не сводя обеспокоенных глаз с Эли, вернулся к кровати и легонько потряс малыша за плечо. Белесые реснички вместе с маленькими веками зашевелились, губки забормотали нечто сонно-невнятное, и одновременно Эля облегченно выдохнула и опустила руки. Но окончательно успокоилась, только когда присела около кровати и погладила теплую ручку сына.

Эмиль, судя по всему, был немного испуган, но, увидев маму, быстро отвлекся и легонько потрогал пальчиками прядку ее волос.

– Беяя, касивая... – изрек младенец, устами которых, как известно, глаголет истина.

Эля только вздохнула, не к месту подумав о том, что будь так, то, может, у них с Яном все бы сложилось по-другому.

– Я его слышала, – не поворачиваясь, произнесла она.

Лем у нее за спиной беззвучно кивнул.

– А помнишь, летом после пятого класса ты слышала, как под окном эльфы играют на свирелях?

– Угу, – всецело занятая ребенком, рассеянно ответила она.

Перефразируя избитое выражение, можно сказать, что каждый человек – глубокий омут и иногда лучше не соваться к тем чертям, что в нем водятся. Лем знал, что Элины черты очень странные. Большую часть времени она была совершенно обычным, среднестатистическим человеком, трезвомыслящим и отвечающим за свои поступки, но иногда ее воображение перебиралось через границы реальности, в такие моменты психика теряла ориентиры возможного и невозможного, смешивая все в единое и порою шокирующее для окружающих. Большинство из тех, кто случайно сталкивался с этой ее особенностью, делали большие глаза и крутили пальцем у виска; старшая сестра когда-то даже пыталась водить к психоаналитику; и только друзья давно привыкли и любили ее такой какой она была. Лем обожал за то, что она всегда оставалась собой, при любых обстоятельствах, ее никогда не цепляли общественное мнение и стадный инстинкт, она словно плыла на своей волне, спокойно и размеренно, не обращая ни малейшего внимания на то, куда и на чем плывет остальное человечество.

Янош... Кто знает, что думал Янош! Наверняка считал слегка сумасшедшей, но вслух об этом никогда не говорил и другим не позволял. Он держал ее под своим крылом и сам себе не мог ответить на вопрос, чем его когда-то так прочно привязала к себе тихая, замкнутая, нелепая девочка.

Лем ушел, пообещав позвонить вечером, а Элин день вернулся в привычную колею, за одним-единственным исключением: она не оставляла Эмиля одного ни на минуту. Работать

не получалось, хотя сроки по выполнению заказов растягивать было нежелательно, но она слишком беспокоилась за ребенка, и даже в подготовительном кружке для детского сада не смогла его оставить без личного присмотра. В результате в течение трех часов рисовала эскизы, держа на коленях блокнот, под аккомпанемент визга и писков веселой малышни. Впрочем, там она была не единственной гиперпекающей мамочкой: из разных углов помещения кидали на своих чад обеспокоенные взгляды еще несколько женщин.

Эля пыталась отделаться от навязчивого тревожного ощущения, стараясь не заикнуться на слове «предчувствие», но оно не отпускало ее всю следующую неделю. Как и любая нормальная мать, она и раньше переживала за своего ребенка, но теперь не просто переживала – она панически боялась. Последним событиям можно было подобрать тысячу разумных объяснений и таким образом утешить себя, но Эля отдавала предпочтение ощущениям, холодный разум не был ее коньком.

– Логика здесь не живет, – неизменно констатировал Янош.

– Наличие логики не доказано, – рассеянно отвечала она, и парень хохотал, наслаждаясь абсурдностью фразы.

– Для твоих мозгов уж точно.

Хотя в чем-то Эля была права: связь матери и ребенка не всегда можно объяснить с научной точки зрения. Несмотря на то, что мальчик фактически являлся ее племянником, такая связь между ними установилась с самого начала, еще тогда, когда Ира ходила беременной. Он активней шевелился у сестры в животе, когда Эля приближалась, реагировал на ее голос. А Эля все никак не могла понять, почему Ира, всегда такая близкая и понятная, вдруг стала отдаляться, причем ей это удавалось делать даже в трехкомнатной квартире, в которой, казалось бы, далеко друг от друга не убежишь.

В то время Эля училась в университете и жила в оставленной родителями квартире вместе с сестрой и ее мужем. Сначала сестра, которая, несмотря на строгость и непрошибаемость характера, всегда искренне интересовалась Элиной жизнью, стала все чаще запирается в своей комнате, когда девушка появлялась на пороге. А если Эля находилась в квартире долго, при любой возможности уходила. Исчезли долгие вечерние разговоры за чаем, правда, вместе с ними исчезли и постоянные упреки в глупости и легкомыслии, но оказалось, что даже по ним Эля скучает. Данил успокаивал девушку и бормотал что-то о причудах беременной женщины, но Эля все равно не понимала, и поведение сестры ранило ее сильнее, чем все насмешки однокурсников и все кратковременные влюбленности Яна. Ее можно было понять: при живых и вполне здравствовавших родителях, Ира заменила Эле мать.

Родители были успешными физиками; возможно, так получилось именно потому, что науку они любили больше, чем что-либо другое в жизни, они молились только ее идолам. И хотя наука не стала яблоком раздора для них, но зато легко позволила оставить десятилетнего ребенка на попечение окончившей институт старшей дочери и умчаться за границу работать во имя великих целей. По правде сказать, с их отъездом в жизни девочек ничего кардинально не изменилось. Ира привыкла заботиться об Эле еще с тех пор, когда ей надо было менять пеленки, так что разница заключалась лишь в том, что раньше они видели маму с папой раз в неделю и мельком, когда те возвращались из лаборатории, а теперь не видели годами.

И вот спустя двенадцать лет единственный человек, которого Эля считала по-настоящему родным, ни с того ни с сего тоже решил ее оставить. Девушка не понимала, в чем провинилась, и готова была просить прощения даже за то, чего не совершала, но Ира лишь награждала ее задумчивым взглядом и снова ускользала от разговора. При этом Эля была готова поклясться, что порою видит на дне карих глаз сестры страх. В те месяцы от отчаянья ее спасали только поддержка Лема и неусыпный контроль Яна.

Выяснилось все однажды вечером, когда Эля, вернувшись домой, услышала обрывок разговора, доносившегося из кухни.

– Она хочет его забрать, – бормотал совершенно несвойственный уравновешенной Ире плаксивый голос.

Эля так и замерла в прихожей, не успев даже обувь снять, а Ира, не зная, что ее слышит кто-то, помимо Данила, продолжала захлебываться слезами.

– Ты в своем уме? – Расстроенному мужу с каждым разом все сложнее было выносить абсурдные истерики жены.

– Каждый день сны, один за другим, без перерыва. И ведь раньше я снов в жизни не видела. И пусть, и ладно, но ведь в каждом из них, о чем бы он ни был, она беременна моим сыном.

Эля дернулась, как от пощечины, но не от невероятного обвинения, а от того, что вот уже третий месяц время от времени видела сны, в которых была беременна мальчиком.

Еле переступая ногами, девушка бесшумно вошла в кухню.

– Приди в себя. О чем ты вообще? Ты хоть понимаешь, в чем пытаешься обвинить человека?

Глаза жены удивленно расширились, и, проследив за ее взглядом, Данил повернул голову. В проеме двери стояла Эля, и они с Ирой смотрели друг на друга, не отрывая глаз, – это был разговор, который никто не смог бы услышать.

«Прости, ничего не могу с собой поделать». – «Я не хочу отнять, сама ничего не понимаю». – «Он только мой», – Ирина рука ласково скользнула по животу.

Данил с облегчением вышел, понимая, что на этот раз они точно разберутся. Но он ошибся, все стало только хуже.

Если бы на месте Эли была другая девушка, то она, скорее всего, попыталась бы успокоить и переубедить сестру, но Эля не умела лгать не только окружающим, но и себе:

– Я тоже вижу такие сны.

Стоявшая у стола Ира обессиленно опустилась на стул.

– Если бы только это...

«Что же еще?» – спросил Элин взгляд.

– Он слышит тебя, он реагирует, ему нравится, когда ты здесь... Даже сейчас. Прости, я, наверное, несу несусветную чушь, но хотя бы один раз в жизни можно, ведь обычно этим занимаешься ты, – уголки губ натянуто сымитировали улыбку. – Мне тяжело находиться рядом. Он мой, понимаешь, мой.

В Ире проснулись характерные для нее упрямство и уверенность. Она, глотая слова вперемешку со слезами, говорила не о том, что думала, а о том, что осознавала, чувствовала, быть может, даже предчувствовала. Она то шептала, то переходила на крик, то долго молчала, то не давала вставить и слова. Впрочем, Эля не собиралась перебивать ни ее личную истерику, ни ее персональную тишину. Впервые в жизни видя в таком состоянии свою всегда такую разумную сестру, она как никто понимала и верила тому, что рассказывала Ира.

– Он мой, но почему-то он совершенно уверен, что его мать – ты, – Ирины глаза горели лихорадочным блеском.

Эля не думала о том, что все эти слова не что иное, как бред, связанный с глобальной перестройкой женского организма, она просто стояла в дверях и молча слушала, прислонившись щекой к стене. Возможно, все бы закончилось относительным миром, если бы Эля не сделала несколько опрометчивых шагов навстречу и не прикоснулась кончиками пальцев к выпуклому животу сестры. Ребенок в чреве мамы немедленно задвигался, Элино сердце дернулось и забилось чаще. Ира резко отшвырнула руку сестры в сторону и поднялась. Ее щеки покраснели, а губы задрожали, она хотела что-то сказать, но не могла. Кто бы мог подумать, что между ними, такими разными и такими родными, когда-нибудь встанет еще не родившийся ребенок.

Внезапно Эля поняла, что не просто теряет ту, которая всегда была для нее семьей, ту, что с детства ограждала от окружающего мира и от самой себя, а уже потеряла, и возможно, навсегда. Она не стала оправдываться и уговаривать, извиняться и обвинять, она тихо ушла и весь последний месяц Ириной беременности жила у Лема, благо, его родители в тот момент жили во Франции. Ушла не от обиды, а из-за волнения за сестру, подумала, что так для нее будет лучше.

Целый месяц они не общались, и Эля видела привидения в чердачном окне дома напротив, слышала, как шуршат крыльями и скрежещут когтями по потолку отвратительные склизкие чудовища, вдыхала смрад тысячелетних гробниц прямо в опрятных и модных интерьерах дома Митрофановых. Все ее откормленные черти выбрались наружу и радостно танцевали джигу. Она едва слышала преподавателей на лекциях и с троек скатилась на двойки. А вечерами гипнотизировала телефон, ожидая очередного регулярного звонка. Правда, звонила не Ира, а Данил, он кхмыкал в трубку и, страдая от неловкости, подробно расспрашивал о делах, погоде, природе. Девушка понимала, что через него с ней говорит сестра. Несмотря ни на что, Ира ее любила.

А потом пришел он – тот самый день, в который жизнь решила, – кто-то бы сказал, – покарать, другой бы возразил – дать вечный покой, а третий – вернуть все на свои места.

Ира родила хорошенького мальчика, а спустя четыре дня сама позвонила до смерти испереживавшейся Эле. Данил забрал жену из роддома, и по пути домой они возбужденно переговаривались в машине, вдвоем наперебой обсуждая самого нового члена их семьи, который тихо спал на руках у мамы. Эля старалась к нему не прикасаться, чтобы не тревожить сестру, но та, казалось, забыла обо всех своих страхах и находилась в состоянии абсолютной гармонии. Эля на всю жизнь сохранила в памяти глубокие умные глаза, худое лицо, обрамленное волнистыми каштановыми волосами, запах мягких ладоней, отдававших вишневым мылом (для Эли так пахла безопасность), и ту ее умильную улыбку, когда, склонившись над ребенком, она словно светилась изнутри. Это было последнее, что Эля запомнила из той, прошлой жизни, жизни до...

Отходить от пережитого шока, – страшной аварии, двух смертей и вытягивавших душу похорон, – ей не пришлось, ведь на руках у той, кого и друзья, и сестра всегда считали неисправимым ребенком, оказалось крохотное существо, которому Эля была не просто нужна – жизненно необходима. Только ради него она боролась с отчаяньем и сражалась с собой, сдерживая демонов своей больной фантазии. Это удавалось далеко не всегда, но там, где могло быть во вред ребенку, она раз за разом одерживала победу, уж если не в войне, то в сражении точно. Эмиль стал ее якорем в реальности.

2

Ах, какой это был смех! Он воспринимался не просто на слух, – казалось, его звонкую остроту можно попробовать на вкус, в нем таилось столько оттенков и полутонов, что невозможно было уловить переход из радостного в саркастический, из горько-обидного в сумасшедший, из умиротворенного в нервно-всхлипывавший. Кровь в венах будто превращалась в магнитную жидкость и тянулась за этим смехом. Который год, закрыв уставшие за день глаза, он отправлялся вдогонку за этим смехом, но, преодолевая барханы черного песка, падая в бездонные пропасти, ныряя в океаны кошмаров и стряхивая с плеч обманчивость счастливых снов, он никак не мог угнаться за его обладательницей. Лишь раз судьба наградила его за старания, и в разрушенных катакомбах военной постройки мелькнули часть красного подола и изящный сапожок. Пробуждение застало, как всегда, не вовремя, и он успел запомнить, только что ткань голенища шевелилась и вздрагивала на ноге как живая, а вместо шпильки-каблука из подошвы росла острая перьевая ручка.

Следующая неделя вернула растерянное в тревогах спокойствие. Лето поспело, как сочный плод, прогибавший ветку своим весом, и радостно изливалось горячими солнечными лучами на головы суетливых горожан.

Каждый из жарких дней приближал трехлетие Эмиля, и обычные заботы, работа и прогулки с мальчиком теперь перемежались с подготовкой к празднику. И хотя, помимо мамы и сына, его обычно отмечали только два человека, Эля каждый раз закатывала веселую вечеринку на четверых, на которой трое взрослых веселились по-детски. Этот раз не стал исключением, тем более что малыш, помимо игрушек, дорос до некоторых аттракционов из парка развлечений, детского кафе и нанятого клоуна.

Лем предложил связаться по скайпу с Тимирчевыми-старшими, но Эля глубоко сомневалась, что они заинтересуются тем, что их единственному внуку исполняется три года. Даже на похороны старшей дочери они не приехали, мотивируя это невозможностью в данный момент оторваться от значительной разработки в какой-то там сложно выговариваемой области физики. Ира еще при жизни так и не простила их, – не за то, что они бросили ее, самостоятельную и твердо стоявшую на ногах, а за то, что оставили несмышленища – Элю, которая, по Ириному разумению, была совершенно не приспособлена к жизни в суровом человеческом мире.

Эля же не умела удерживать в себе злость подолгу, тем более что ее детство нельзя было назвать тяжелым. Несмотря на кукушечий характер, успешные мама с отцом каждый месяц перечисляли на счет сестер приличную сумму, которая не заменяла родительскую ласку, но помогала жить в достатке. Благодаря этому Эля с Эмилем и по сей день ни в чем не нуждались.

Просматривая через Интернет ролики о своих уже известных родителях, Эля думала о том, что их выдающиеся качества поделились поровну между дочерьми, только вышло из этого... ну, в общем, то, что вышло. Ира получила трезвый рассудок, железную логику и умение видеть скрытую от постороннего глаза суть вещей. Это, конечно, полезно для жизни, но талантливым ученым, как родители, она стать бы не смогла, да и не хотелось. Ей не хватало доставшихся Эле неумной мечтательности и веры в недостижимое. А по отдельности от этих черт было мало проку.

За день до праздника девушка с сыном провели чудесный выходной, устроив пикник. Эля расстелила покрывало на густой траве в парке, близь дома, а малыш, набегавшись вволю и отгаскав за хвост дворового кота, прилег к ней на колени. Девушка читала вслух очередную фэнтезийную книжицу и ела зеленое яблоко. Временами она прерывалась, чтобы выслушать Эмиля, который на этот раз настойчиво рассказывал маме о том, что, когда летишь, в лицо дует ветер и шевелятся кудряшки на голове, но все равно это здорово, только если тебя не догоняет синяя бяка с раздвоенным хвостом.

– Я тебе свои истории... – взвешивая книжку в руке, сказала девушка, – а ты мне – свои. Сказочки мы с тобой.

Мальчик засмеялся, будто понимал подоплеку слов мамы, и продолжал болтать, а Эля гладила золотистые волосы и смотрела в глубокое небо, в котором и сама бы не отказалась полетать. Ее мысли задвигались плавно, собирая из закоулков разума фрагменты фантазий на тему бескрайности и свободы, смешали их, как варево в большом котле, и вдруг выпустили в летнее небо эфемерное полупрозрачное создание, оно трепетало и извивалось, ложась на воздушный поток, а еще звенело, как охалка разноголосых колокольчиков. Эля спешно затолкала создание обратно в мысли, зная, что таким образом может довести свой и так шаткий разум до опасного состояния, чего в присутствии ребенка никогда себе не позволяла. Но когда нечто напоминающее и полупрозрачные паруса и живого бумажного змея затянулось в котел, а тот в свою очередь рассеялся в тумане сознания, Эля почувствовала, что ее рука водит по воздуху.

Там, где несколько мгновений назад под пальцами скользили шелковые завитки, теперь ничего не было, а колени больше не чувствовали тяжести детского тела.

Опустив взгляд и убедившись в том, что ребенка нет, она заозиралась. Сначала достаточно спокойно: подвижный Эмиль иногда становился просто неуловимым, – затем встревоженно. Но поблизости малыша не обнаружилось. По дорожкам гуляли мамочки с колясками, несколько карапузов оккупировали песочницу, но нигде не было видно яркого пятна желтой майки, которая сегодня была на Эмиле. У Эли в животе зашевелился ледяной страх, она вдруг поняла, что даже не почувствовала, как ребенок поднялся с ее колен.

Безрезультатные поиски длились долго, во всяком случае девушка потеряла счет времени. Она успела расспросить и мамаш, косившихся на нее укоризненно, и детей, которые последний раз видели Эмиля рядом с ней. Потом отправилась искать его в соседних дворах. Страх, поднявшись вверх, сдавил горло, и Янош еле разобрал, что запыхавшаяся подруга пытается сказать ему в трубку.

Ошарашив начальника историей о внезапно пропавшем племяннике, Янош приехал быстро и еле нашел кружившую среди домов заплаканную девушку. На этот раз они вместе прочесали всю ближайшую к парку территорию, а когда планомерный обход района не принес никакого результата, Янош заключил, что такие поиски неэффективны и бессмысленны. Находившаяся в истерике Эля не сумела описать диспетчеру полиции сложившуюся ситуацию, и этим занялся Янош. А потом сообщил обо всем Лему.

Несмотря на поздний вечер, друзья не могли уговорить девушку вернуться в квартиру, даже тогда, когда прибывший молодой лейтенант записал показания и отправился то ли искать ребенка, то ли по другим делам.

В окнах зажегся свет, и ночь осела на двор темными пятнами. Освещение стоявших вокруг домов выдергивало из мрака лишь фрагменты детской площадки. Лем решил подключить «тяжелую артиллерию» и вполголоса разговаривал с начальником службы безопасности своего отца. Девушка, закутанная в пиджак Яноша, всхлипывала, уткнувшись в его грудь.

Неожиданно Лем оборвал разговор и, выронив телефон в траву, побежал куда-то в темноту. В той стороне едва виднелись очертания зонтика песочницы, а на нем, зацепившись за металлический бортик, в метре от земли, висел Эмиль. Детский плач ворвался Эле в уши и прокатился по телу ударом тока, но Лем уже аккуратно снимал горько рыдавшего ребенка.

Чуть позже они сидели в Элиной спальне и молча наблюдали, как в свете ночника посапывает на кровати переодетый, накормленный и успокоенный малыш. Девушка наотрез отказалась оставлять его в детской без присмотра, поэтому разговор пришлось вести еле слышным шепотом.

– Эээ... – несколько раз пытался начать Лем, но обрывал себя на полуслове. Он задумчиво оглядывал стены, покрытые граффити, которые сам же два года назад расписал.

Янош терпеть не мог это помещение, оно ему казалось не просто неуместным, а нелепым до отвращения. Но в данный момент его раздражала еще одна деталь: он не мог понять, как в нескольких шагах от них, на зонтике песочницы оказался Эмиль. Это было совершенно необъяснимо, и мозги закипали от одних только абсурдных предположений. Сам залезть так высоко он бы не смог, ну не повесил же его туда кто-то специально, тем более совершенно бесшумно и незаметно.

Эля сидела на кровати рядом с сыном и ласкала взглядом каждую черточку хорошенького личика. Он совсем не был похож на Иру, да и на Данила, и уж тем более на Элю.

– Принеси чай, – сказал Ян, в упор посмотрев на Лема.

Тот в ответ только фыркнул, он с трудом переносил привычку друга командовать, но на этот раз без комментариев встал и вышел из комнаты. Спустя минуту из кухни донеслось клацанье, а потом звон разбитой посуды. Эля поморщилась, но не сдвинулась с места. И даже

если бы в данный момент разваливался на кусочки окружающий мир, она бы осталась вместе с сыном на этом мнимом островке безопасности в виде кровати.

– Нужно позвонить и объяснить полиции, что ребенок нашелся, – ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Ян.

– Уже позвонил, – произнес Лем из прихожей и, закусив губу, старательно внес покачивавшийся в руках поднос с чашками. Половина чая выплеснулась, залив всю поверхность подноса, и забрызгала испеченные Элей кексы. Но на это никто не обратил особого внимания.

От нервов у девушки всегда разыгрывался аппетит, – может быть, именно поэтому она всю осознанную жизнь старалась похудеть и никак не могла.

– Ну и где сегодня ночуют твои разумные объяснения? – как обычно, не прожевав, осведомился Лем у Яна.

– Скорее всего, его кто-то посадил наверх, а потом он соскользнул и повис, – зло сверкнув глазами, ответил Янош.

– Вы слышали, как неожиданно раздался его плач, – подала голос до того молчавшая Эля. – Слово он начал плакать где-то там, где мы его бы не услышали, а потом оказался на площадке, продолжая плакать.

Молодые люди отреагировали одновременно, только Лем утвердительно кивнул, а Ян махнул головой отрицательно.

– Давайте все-таки сходим к... – девушка запнулась и умоляюще посмотрела на Яноша.

Он закатил глаза:

– Самое безобидное, чего можно ждать от мошенников из среды паранормальных эскулапов, – это уверений в том, что мальчиком завладели какие-нибудь духи. Зная тебя, не приходится сомневаться: поверишь, да еще и отдашь кучу денег. Ну а в худшем случае просто выкачают деньги, даже не побеспокоившись придумать причину.

– погоди. Эль, почему ты считаешь, что нужно обратиться не к детективам и психиатрам, а именно к людям с необычными способностями?

– Потому что это ты ей предложил. Запудрил мозг. И кстати, о психиатрах: сомневаюсь, что у нас был групповой припадок идиотизма, – не желал молчать Янош.

– Вот именно потому, что спятить сразу втроем мы не могли и видели то, что видели, и стоит...

– Я чувствую, что теряю его.

Два заинтересованных взгляда обратились к девушке.

– Он уходит из моей жизни, ускользает.

– Куда? Зачем? Да ему три года. О чем ты вообще? – не сдержавшись, повысил голос молодой человек, и Эля с Лемом одновременно на него зашикали.

Эмиль не проснулся, и Ян продолжил раздраженно шептать:

– Не городи ерунду, у тебя стресс... Тебе просто кажется. Как обычно.

– Зато меня ты не можешь обвинить в «кажется», – взглянув на помрачневшую девушку, вставил Лем. – Да и себя тоже. Или вноси конструктивное предложение, или хватит нагнетать, – и прежде чем Ян успел что-либо ответить, добавил: – Полиция не поможет, как и всевозможные спецслужбы, потому что ребенок здесь и никто не поверит, что он исчезал и внезапно появлялся уже несколько раз. Врачи? То же самое. И что ты им скажешь? А что они тебе ответят? Ну и последний вариант – это забить и понадеяться, что подобное больше не повторится, но, насколько я знаю, пассивные методы – не твоя стихия.

– Что же делать? – сквозь подкатившие к глазам слезы выдавила девушка.

– Ну ладно, только...

– Вот в этом я с тобой согласен.

– В чем это ты, интересно, со мной соглашаешься? Я еще ничего не сказал, – мрачно поинтересовался Ян, не переносивший, когда его перебивали. – Наверное, стоит начать дей-

ствовать послезавтра, не нужно портить Эмилию день рождения незнакомыми и странными дяденьками и тетеньками.

Вообще-то Ян хотел сказать, что по всем колдунам и хироманткам он будет обязательно ходить вместе с ними, поскольку не верит в адекватность друзей по данному вопросу, да и вообще склоняется к мысли, что моментами они оба – форменные психи. Но, взглянув на часы, произнес только:

– Кстати, завтра уже наступило.

– Вам пора домой, – грустно протянула девушка.

«Ее нельзя оставлять одну в таком состоянии», – недвусмысленно говорил взгляд Лема, и Ян утвердительно кивнул.

Утро понедельника друзья встречали разбитыми. Проведя ночь скрюченными в креслах, молодые люди еле продрали глаза и отправились на работу, пообещав, как и договаривались, прийти после обеда праздновать. Эля, как и ее «охранники», проспавшая около сына всю ночь в сидячем положении, не вышла из спальни даже для того, чтобы их проводить; благо, у каждого было по ключу от ее квартиры.

Девушка сидела на кровати, почти не меняя позы, пока ребенок не проснулся. Открыв глаза, мальчик первым делом убедился, что Эля рядом, и, забравшись к ней на колени, захныкал, сквозь слезы канюча на все лады слово «мама».

– Ну, что ты, кроха, не плачь, – гладила мальчика по голове готовая сама разрыдаться девушка. И когда ребенок успокоился, задала самый главный вопрос: – Где ты был, маленький?

– Упал, упал, упал, упал...

– Ты что, долго куда-то падал? – догадалась Эля, пока Эмиль, отвлекшись, потянулся за любимой игрушкой – сшитым из сиреневой кожи бегемотом. – А что было там, куда упал? – продолжила настороженный допрос девушка.

Мальчик, пятась, уже слез с кровати и поволок бегемота по полу, крепко держа за ухо. Эля, последовав за сыном в детскую, внимательно вслушивалась во все, что он говорил. Когда-то Ян намекал, что странности Эмиля могут объясняться галлюцинациями, но консилиум врачей заключил, что малыш совершенно здоров, а от фантазии своих деток иногда приходят в недоумение многие родители. Эля же верила своему ребенку беспрекословно, особенно сейчас, особенно после вчерашнего. Вот и теперь, сосредоточенно перебирая игрушки, Эмиль отвечал на вопросы настолько странно, что ни один нормальный родитель в своем уме не обратил бы на это внимание. Но только не Эля.

Автоматически переводя с «детского» на «взрослый», девушка узнала, что ее сын очень долго падал в темноте, что было холодно и страшно, что видел оранжевый снег. Название цвета он не помнил, и для подтверждения катнул к маме пестрый мяч и указал пальчиком на нужный сегмент раскрашенного бока. Потом было сумбурное описание страшных людей и тянувшихся колючими ветками живых деревьев. К тому моменту, как Эля одела и накормила сына, рассказ перешел к полупрозрачной женщине и очередной порции слез. Больше Эля расспрашивать не стала, а, наоборот, попыталась отвлечь ребенка всеми возможными способами. Но, всегда веселый и жизнерадостный, Эмиль снова начинал хныкать и говорить, что мамы там не было.

Все исправил только вручение первых за этот день рождения подарков. Вязаный медведь был потискан и благополучно забыт, а вот железная дорога завладела всем вниманием. Пока девушка возилась с угощением, малыш умудрился протянуть «пути» от комнаты до кухни и, пустив по ним поезд с вагончиками, потребовать от мамы положить вкусный груз. Впервые за день Эля улыбнулась, и большая шоколадная конфета по рельсам отправилась к поджидавшему ее в детской получателю.

Ради сына девушка решила отложить все дела и тревожные мысли до завтра, и полдня прошло в играх. Паровозное дело сменилось прятками, раскрасками, игрушечным хоккеем. Эля была почти счастлива, и немудрено: мать счастлива, когда счастлив ее детеныш.

Лем позвонил сказать, что подтвердил заказ в кафе, и попросил дать трубку имениннику. То, как умильно эти двое обычно общались, могло развеселить любого стороннего наблюдателя. Лем умел ладить с детьми, а Эмиля вообще обожал безмерно. С самого крохотного возраста он всегда говорил с мальчиком, как со взрослым, на равных, и ругал Элю, если та пыталась сюсюкать.

– Не порть будущего гения, у него же потрясающе умный взгляд. Он должен научиться излагать свои мысли хорошо поставленным голосом и безукоризненной речью.

Друг оказался прав, и, когда однажды Эмиль заговорил, было ощущение, что делает он это давно и успешно.

Вот и сейчас, сидя на ковре среди разбросанных игрушек, он, сжимая ручонками телефонную трубку, так серьезно и сосредоточенно отвечал на вопросы дяди Лени, что Эля, не сдержавшись, приснула от смеха. Вдруг ей показалось, что на майке сына появились странные разводы. «Опять чем-то заляпался, шкода», – подумала девушка и, достав влажные салфетки, потянулась к ребенку. Тот как раз делился с Лемом впечатлениями о новой железной дороге.

У Эли никогда не было проблем со зрением, но, прижав салфетку к майке, ей показалось, что перед глазами все расплывается. А потом произошло странное: в месте, где ее рука коснулась потеков на майке, словно образовалась пустота и пальцы на две фаланги исчезли из поля зрения, погрузившись не просто в майку, а в мальчика. Девушка испуганно отдернула руку, пока сын, не обращая внимания на маму, болтал без умолку. Эля зажмурилась, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, определяя нормальность своего состояния. Часть разума, отвечавшая за ее безумные фантазии, находилась в запертом состоянии, как и всегда, когда Эмиль был рядом. Но, открыв глаза, Эля вдруг поняла, что больше не доверяет самой себе. Теперь она видела сына таким образом, что сквозь него можно было рассмотреть угол окна и часть итальянской портьеры. Он стал зыбким и прозрачным, как привидение. Она все еще видела контуры его лица и тела, слышала звонкий голосок, но с каждой секундой он становился все менее различимым, его словно стирали ластиком из пространства.

Твердо уверенная в том, что, несмотря на все старания, ее психика все-таки вышла из-под контроля, она бросилась обнимать на глазах исчезавшего сына, но руки прошли его насквозь, не встречая препятствий, а телефон грохнулся на пол и разбросал по комнате свои внутренности. Там, где еще недавно сидел ребенок, поселилась жестокая пустота.

Эля не помнила, как пришел Лем, как поднял ее, дрожавшую, с пола. Все чудовища, так долго маявшие в ее сознании, вырвались на свободу, искажая окружающий мир. Уродливые щупальца обвивали ее белые волосы и покрывали скользкой слизью паркет и ковер, лиловая плесень, свисавшая с потолка большими бесформенными шмотками, выплевывала в воздух жуткие зубастые создания, да и сам воздух загустел так, что им не то что дышать – им хорошо было бы вколачивать гвозди.

Реальность вернулась вместе с выплывшими неизвестно откуда желтовато-карими глазами Яна, они так строго и укоризненно глядели, что личный зверинец, созданный Элей, недовольно скукожился и уполз восвояси, за запертые ограничители решеток, а сверху для надежности девушка еще и обрушила на него обломившийся кусок скалы.

Прохладная рука Лема сжала Элино запястье, а Ян, сидевший рядом на диване, облегченно выдохнул, но его лицо оставалось таким напряженным, будто последние минуты он и вовсе не дышал.

– Ты как? – спросили оба одновременно.

– Я?.. – с трудом приходила в себя девушка и вдруг заорала, подскакивая с дивана: – Где Эмиль?

Голос резко охрип с непривычки, а парни от неожиданности дернулись. Эля кричала в первый раз на их памяти.

– Это ты нам ответь, где он? – сказал Ян, косясь по сторонам. Сине-желтые стены гостиной сейчас, как никогда, напоминали ему творения неврастеничного художника, и в памяти даже всплыл давно забытый урок МХК в школе, про творчество Ван Гога, и если память не изменяла, чем больше он сходил с ума, тем ярче становилось сочетание синего и желтого в его картинах.

Эля, соскочив с дивана и едва не падая, помчалась в детскую. Там валялся пузом кверху покинутый бегемот, с полок смотрели корешки старых сказок, в углу грудились стопкой коробки нераспакованных подарков, – судя по всему, принесенные Яношем и Лемом, – и только хозяина комнаты нигде не было, а вольный ветер, дувший из окна, не оставил Эле на память даже его запаха.

– Я знала, что так будет. Знала, – зашептали окаменевшие губы девушки.

– Опять, – выдохнул Лем и машинально посмотрел в окно на ржаво-синий зонтик песочницы, а потом обернулся к Яну: – Куда ты звонишь?

– В полицию, естественно.

– Не надо, – прошептала Эля и опустила на пол прямо там, где стояла. – Они его не найдут.

– На твоём месте я бы не был таким пессимистом.

– Он исчез...

– В прошлый раз он тоже исчез, – возразил Лем.

– Я все видела, он растворился в воздухе у меня на глазах.

Молодые люди переглянулись. Они были не первый день и даже не первый десяток лет знакомы с Элей и привыкли к ее странностям. Но, помимо этого, они точно знали одно непреложное правило: все, что было связано с ее сыном, с самым ценным для нее существом на свете, никогда, ни разу за три года не обрастало непокорными фантазиями ее разума. Когда мальчик впервые, по словам девушки, исчез, парни решили, что теперь все изменилось и Эмиль больше не является запретной зоной для фантазий, но после вчерашнего происшествия даже Ян понял, что подруга ничего не выдумала.

Когда девушка все рассказала в подробностях, Лем мрачно посмотрел на рассыпанные по полу запчасти от сотового.

– В это время он со мной говорил?

– Да.

– А я подумал, что ты опять забыла зарядить телефон.

– В полицию я все равно звоню, – упрямо произнес Ян и вышел в прихожую. Он верил Эле, но одновременно был уверен в том, что все в жизни можно объяснить. Он, как и любой крайне реалистичный человек, встречая на своем пути что-либо неведомое, тут же отгораживался от этого стеной стандартных объяснений и действий. Его разум просто не умел выходить за строго определенные границы.

Лем с Элей остались вдвоем. Молодой человек подошел и, опустившись на пол, обнял девушку. Ее взгляд был пустым, она не рвалась искать ребенка, как в прошлые разы, она думала только о том, чтобы ее мальчик вернулся, твердя про себя это, как мантру. И одновременно была совершенно уверена, что этого не будет, он исчез навсегда.

От Лема пахло привычно – теплом и пониманием, но сейчас его футболка источала и еле заметный незнакомый Эле запах. В другой ситуации девушка бы заинтересовалась и расспросила друга на предмет появления в его жизни существа противоположного пола, но сейчас просто неспособна была думать о чем-либо, кроме сына.

Эля всегда была для Лема как сестра, и он лучше всех понимал ее. Она подняла голову и посмотрела другу в глаза, их серые глубины утешали без слов: «Он найдется». Эля попробовала на вкус эту фразу, и как ни странно, она не вызвала у нее отторжения в отличие от «он вернется».

– Отведи меня к кому-нибудь из них, – тихо попросила она.

– Хорошо, давай только дождемся, пока наш деятельный тип примет все нужные для его успокоения меры.

– Они скоро будут, – входя, удовлетворенно произнес Янош. – Сказали ничего не трогать и никуда не уходить.

Потом он укоризненно посмотрел на Элю, и от его пристального взгляда девушке, как ни странно, стало легче.

Он никогда не смотрел на нее как на объект восхищения и любования; ее чуть полненькая фигура, вздернутый слегка курносый нос и далекие от совершенства черты лица не пробудили в нем даже детской любви в школе, не говоря уже о глубоком взрослом чувстве. Он был перфекционистом до мозга костей во многих областях, в том числе и в личной жизни, и обращал внимание только на тех представительниц женского пола, во внешности которых все стремилось к идеалу. Но тем не менее Эля была в его жизни константой в отличие от редко появлявшихся красоток, которых рядом с собой он долго не держал. Сейчас, глядя на нее, он переживал, что этот ненормальный несмышлениш совсем потеряет связь с реальностью. Во избежание последствий ребенка нужно было побыстрее найти. Детей он обычно терпел с трудом, но вот Эмиля мог переносить относительно спокойно, и для его поисков собирался сделать все возможное.

– Только не надо им рассказывать подробности того, как он... исчез, – Ян недовольно поджал губы.

Эля в руках Лема утвердительно кивнула. На свою разумность она не могла полагаться, и поэтому там, где это было необходимо, полагалась на чужую: сначала на Ирину, потом – на Яна.

Вечер был долгим и утомительным. Эля неперередаваемо устала отвечать на бесконечные вопросы сначала сотрудника полиции, а затем частного детектива, о необходимости услуг которого Янош даже спорить с друзьями не захотел. Девушка все время поворачивалась к окну и смотрела на площадку, где вчера нашелся Эмиль. А то, извинившись, выбегала из комнаты и заглядывала в совершенно пустой тамбур между квартирами. Она чувствовала, что малыш не вернется, но, словно в забытьи, все время ходила его встречать. Лишь глубокой ночью они с Лемом, проведив Яна до машины, наконец заговорили о главном.

– Как ты думаешь, где он? – они шли по темной аллее, вокруг было расслабляюще тихо, и дурманящий запах цветов превращал жаркий воздух вокруг в дорогой французский парфюм.

– Здесь его точно нет, – сказала девушка и поежилась от безысходности.

– Да понимаю, что нет...

– Ты понимаешь не так. Мне кажется, он настолько далеко, что, боюсь, все детективы планеты не сумеют отыскать.

Лему вдруг стало не по себе, ему показалось, что подруга говорит о смерти. Он в отличие от Яна сознавал, что происходит что-то фантастическое, выходящее из ряда вон, но в душе был уверен, что мальчик, как и вчера, вернется.

– Ну ты что? Стоит ли впадать в крайности?

– На какое время ты договорился с той женщиной? – не слушая, спросила Эля.

– В три я приеду за тобой.

Девушка вздохнула, ждать так долго было выше ее сил. Сами мысли о том, что Эмиль не рядом, не носится вокруг как заведенный, не спит в своей кровати, неосознанно держась за мочку уха, не отодвигает упрямо тарелку с кашей, приносили опустошавшую боль. Казалось бы, прошло немного, всего три года, но теперь она не понимала, как могла раньше жить без своего сына. Но истинный ужас в Элиной голове начинался следом, как только она представляла себе кошмарные сцены судьбы ребенка, не в силах помочь.

– А ты как думаешь, что с ним случилось? – снова поддаваясь неугомонным слезам, спросила Эля.

– То, что ты рассказала, может оказаться чем угодно.

Чувствовалось, что мозги Лема уже давно и усиленно работают над этим вопросом. Моментами девушке даже казалось, что она слышит, как скрипят шестеренки в лохматой голове друга.

– Знаешь, есть теории, что пространство, как и время, неоднородны и в них могут появляться дыры. Так вот, возможно, Эмиль случайно угодил в одну из таких дыр. Но тогда получается, что он попадал в них уже несколько раз и возвращался обратно. Вот это как-то не вяжется с известными мне сведениями о данных явлениях.

– А если так, то каким образом я могу его найти и вернуть? – спросила девушка, и на ее лбу появились напряженные морщинки.

– Это всего лишь теории. И даже если каким-нибудь невероятным образом мы найдем одну из таких «дыр», то нет гарантии, что попадем в то же место или время, что и мальчик.

– Может, поискать там, где он пропал и появлялся?

– Я уже провел некоторый эмпирический анализ тех мест и в квартире и во дворе. И ничего. Думаю, если это «дыры», то они не привязаны к определенной точке, а скорее всего кочуют и по пространству и по времени. В общем, этот вариант очень проблематично прорабатывать.

– Значит, есть другой? – девушка сгорала от нетерпения. Друг, как всегда, излагал свои мысли очень медленно.

– Есть-то есть, но он тебе не очень понравится.

– Только, пожалуйста, не надо говорить, что его похитили для того, чтобы требовать выкуп у моих родителей, – вздохнула Эля.

Они как раз дошли до дома и остановились. Лем слишком увлекся разбором ситуации, а девушке не хотелось подниматься в квартиру, зная, что мальчика там нет.

– Ну нет, не думаю. Эта версия ближе Яну и, как самая вероятная... – парень взглянул на Элю, отрицательно качавшую головой, и уверенно продолжил: – ...Должна быть тщательно проработана. Но оставим ее ему. Лучше его с этим никто из нас не справится.

– Если бы Ян видел то, что видела я, он не стал бы упорствовать, – возразила Эля и потянула молодого человека за край майки прочь от подъезда, туда, где еще вчера они так радостно проводили с сыном время.

– Уверен, все осталось бы по-прежнему, но дело не в этом, – продолжал размышлять молодой человек.

В таком состоянии его можно было беспрепятственно вести куда угодно, – в логово к бандам, на эшафот, – он бы и не заметил. Когда Лем был поглощен размышлениями о чем-либо чрезвычайно интересном и занимательном, «мелочи» становились совершенно неважными.

– Я много думал о том, почему он вокруг себя видит и слышит те вещи, которых для других не существует. Иногда кошка моей мамы вот так же смотрит в пустой угол сосредоточенно, как будто видит что-то недоступное людям. Наверное, из-за этого их свойства бытует мнение, что кошки живут в нескольких измерениях одновременно.

– Ты думаешь, Эмиль такой же? – они дошли до двора, соединявшегося с парком, и Эля села на лавочку, подперев голову руками. Отсюда было очень удобно смотреть на ту самую песочницу.

– Если придерживаться этой версии, то мальчик – необычный человек, он дрейфует между двумя измерениями. И видит и слышит он одновременно то, что происходит в обоих.

– Хорошо, допустим, жил он три года и в нашем, и в другом измерении. Но что же произошло сейчас? – этот вариант почему-то взволновал Элю больше, чем предыдущий.

– А вот это самое неприятное. Я думаю, он начал пропадать, когда влияние второго измерения стало сильнее, чем влияние нашего, словно оно стало перетягивать Эмиля на свою поло-

вину реальности как магнитом. А в таком случае удержать его здесь, когда он снова вернется, мы вряд ли сумеем. Хотя можно попытаться найти...

– Если только его окончательно туда не затянуло, – перебила Эля, и слеза потекла по ее щеке.

– Да, именно так. Я говорил, что тебе не понравится этот вариант. Понимаешь, уже прошло гораздо больше времени с его исчезновения, чем в прошлые разы. Хотя, опять же, все возможно.

Лем оседлал лавочку, а девушка все гипнотизировала зонтик песочницы и про себя звала и звала сына, словно он мог услышать ее из отдаленной точки пространства или из другого измерения.

– Погоди расстраиваться, – парень с деланным энтузиазмом смахнул слезы с щек девушки и продолжил: – Есть еще одно предположение, для проверки которого нам как раз и может пригодиться завтрашняя встреча. Предупреждаю, в нем мистика превалирует над научной фантастикой, – рассеянный взгляд Лема блуждал по темным деревьям и очертаниям гор и качелей. – Возможно, сам Эмиль обладает необычными способностями и не умеет ими толком управлять, к примеру, телепортироваться или становиться невидимым. И так как свои умения он, ввиду возраста, пока не контролирует, выходят всевозможные неожиданности вроде вчерашней или сегодняшней. Плюс этой теории в том, что он здесь, в этом мире, где-то на планете, и та женщина может помочь нам его найти.

Эля была готова прямо сейчас бежать на встречу, но ночь не желала отступать только потому, что какая-то девчонка умирает от страха за своего малыша.

Ночевать Лем остался у Эли; он частенько находил пристанище в ее квартире, когда приходилось обходить опасные моменты в отношениях со вспыльчивым отцом или когда подруга, как сегодня, нуждалась в его присутствии. В такую жару он спал в гамаке на балконе, ему чрезвычайно нравился интерьерчик этого маленького помещения. В оконную раму заглядывали огромные июньские звезды; кирпичная кладка стен, покрытая лаком, слегка поблескивала в темноте; старинный кованный фонарь, висевший на толстой цепи, едва заметно покачивался от сквозняка, а с потолка смотрел огромный портрет Че Гевары. Расхаживая по шикарному дому своих родителей, он то и дело вспоминал этот уютный уголок чистой индивидуальности.

Эля не помнила, чтобы спала в эту ночь, но зато каждый час вскакивала, путаясь в плену мокрых от пота простыней. Если бы она запоминала свои кошмары, может, с ее состоянием было бы легче справляться, но они моментально испарялись из памяти, оставляя после себя только тошнотворное послевкусие опасности. Очередное резкое пробуждение облегчения не принесло, ночь все еще заглядывала в комнату, и ленивое утро никак не наступало, но в этот раз появилось кое-что новое – голос Эмиля. Эля отозвалась бы на него, даже находясь в коме. Он, еле слышный, жалобно звал маму, напуганный, плачущий.

Девушка соскочила с кровати и, включая во всех комнатах свет, обыскала каждый угол. Мальчика нигде не было, надежда на то, что он вернулся, увяла, как засушенный солнцем росток. Но детский голос звенел в тишине ночи, кочуя за девушкой из комнаты в комнату, отражаясь от стен. Эля потеряла счет времени и все ходила и ходила кругами по пустой квартире в состоянии прострации. То ей казалось, что голос раздается со стороны кухни, и она спешила туда, то чудилось, что Эмиль, как и прежде, лежит в своей кроватке и зовет маму, и тогда она бежала в детскую, а потом все начиналось по новому. Она не могла остановиться, казалось, что стбит хоть на миг перестать искать – и голос, единственное, что ей осталось, исчезнет безвозвратно.

Беспольные гонки прервал Лем, который все же проснулся, несмотря на то, что обычно спал очень крепко; что в общем-то неудивительно: взволнованная девушка вбежала на балкон и случайно врезалась в кокон гамака.

– Ты что? – вцепился в Элю мертвой хваткой молодой человек. Со сна ему вдруг почудилось, что перегнувшаяся через балкон подруга хочет прыгнуть вниз.

– А? Я? – не сразу очнулась Эля. – Я слышу его, он где-то здесь.

– погоди, объясни подробно, – отчаянно зевавший, Лем ухватил Элю за край пижамы, и, не удержавшись на ногах, она шлепнулась на пол, голос мальчика тут же пропал. Коленкой девушка ударилась не сильно, но зато вернулась в более или менее адекватное состояние. Парень вывалился из гамака и помог ей подняться.

– Извини. Больно?

– Я только что его слышала, – девушка тревожно смотрела на Лема широко распахнутыми глазами.

– Где?

Эля чуть помедлила, оглядывая балкон растерянным взглядом.

– Да везде. В комнате, в спальне, в детской, в кухне... и здесь тоже. Лем, ему плохо, он плачет, зовет меня. И я что-то видела, что-то непонятное.

Многочисленное молчание друга говорило лучше всяких слов, и Эля тут же добавила:

– Это не я, правда, не я. – Дрожавший голос сорвался на плач, и Лем убедился, что запасы женских слез воистину неиссякаемы. – Они не мои, не мои, – сквозь рыдания бормотала девушка, пока Лем вел ее в комнату.

– Теперь рассказывай все толком, – сказал молодой человек, усадив ее на кровать.

– Лем, я знаю, какая я, но это были не мои фантазии. Я слышала голос Эмиля, как тогда, помнишь, когда он спал в детской? А еще я видела очертания каких-то теней в комнатах, они были похожи на облака или сгустки дыма. – Плечи девушки затряслись, и она зарыдала с новой силой.

– Шшш... Спокойно. Я тебе верю. Ты же знаешь, я всегда тебе верю, что бы ни произошло.

Лем положил голову девушки себе на плечо и стал гладить, как маленького ребенка.

– Ну пожалуйста, успокойся, потерпи до завтра. Еще немного, и мы отправимся к человеку, который сможет отыскать Эмиля. То, что ты его слышишь, говорит в пользу третьей теории, а значит, мы можем его найти.

Потихоньку судорожные всхлипы прекратились, и девушка задышала ровно.

– Расскажи мне о ней, – вдруг ни с того ни с сего попросила Эля, не отрывая головы от его плеча.

– Откуда ты знаешь? – удивился Лем, впрочем, не слишком сильно: Эля редко бывала предсказуемой.

– Ее запах время от времени вьется вокруг тебя уже несколько месяцев, словно ты пытаешься в него завернуться и не можешь удержать.

Лем только вздохнул. Эля иногда догадывалась о таких вещах, о которых никто в мире бы догадаться не смог, и обостренное обоняние, которым она при этом пользовалась как методом, больше походило на шаманство.

Он не хотел ни с кем говорить на эту тему, но Элю нужно было отвлечь хотя бы до утра, и молодой человек сдался:

– Она чужая.

Девушка чуть отстранилась и заглянула в его глаза, весь ее вид говорил о том, что она готова слушать что потребует и сколько потребует.

– Она ни на кого не похожа, словно гостья из другого времени, времени пышных балов и гордых, холодных, высокомерных барышень. И знаешь, я ее уже раньше встречал, кажется в институте, точнее не припомню. Но то ощущение от ее взгляда вспомнилось как-то сразу. Она смотрит так, будто знает обо мне какую-то тайну, то, что никому не доступно, то, чего даже я сам о себе рассказать не смогу.

Лем говорил медленно, обдумывая каждое слово, и оказалось, что говорит он не столько для Эли, сколько для себя, впервые облакая в слова – отпуская на волю – те мысли, что давно не давали покоя. После бурной истерики Эля чувствовала апатию, но, находясь в каком-то полусонном состоянии, отпущенное Лемом освобождала повторно, по-своему.

– В ней есть легкая неуверенность, которую она старается скрыть всеми возможными способами, и это удастся: никто не замечает, только я все вижу...

Перед внутренним взором Эли замаячили сначала глаза серо-голубые и будто бы плоские, словно пуговицы, пришитые к телу, но не оттого, что за ними ничего не было, а оттого, что их глубины тщательно охранялись хозяйкой.

– ...и еще обида, детская, переросшая в ненависть, и может быть от этого ставшая такой страшной...

«Тонкие губы плотно сжаты, словно от боли, и выдают улыбку только в случае крайней необходимости, – решил конструктор Элиной фантазии. – Прямой нос и белая кожа достались от далеких предков с примесью голубой крови».

– ...она, словно пограничная застава на пути к той жизни, которую я никогда не проживу, потому что она меня в нее не пустит. И может, хотела бы впустить, но ни при каких обстоятельствах этого не сделает.

Отпущенное на волю воображение девушки дорисовало упавшие на узкие плечи вьющиеся пепельные волосы, в которых солнце зажигало едва заметную рыжинку; казалось, они оттягивают голову назад своей непомерной массой и их обладательница все время борется с собой, стараясь держать шею и спину прямыми.

– ...как стеклянный шарик с падающими в сердцевине снежинками, внутри нее свирепствуют метели, и хочется среди них отыскать искорку живого тепла, если оно там еще осталось.

Очертания стройной фигуры выступили из небытия, словно только того и ждали, добавляя образу законченность, и Эля несколько удивилась: ее другу никогда раньше не нравились такие девушки. Слишком много никому не нужных тайн, чересчур наигранной злости и явный излишек хорошо завуалированной ядовитости.

Позже Эля склонилась к подушке, засыпая, а незнакомка, одетая в строгий деловой костюм, что-то говорила Лему взглядом, не произнося ни слова.

3

Сегодня он засыпал не один, черные локоны разметались по соседней подушке, а их обладательница размеренно дышала рядом, но в ней, как и во всех остальных, был один критичный изъян: неумение задерживаться в его мыслях надолго, наверное оттого, что там вот уже много лет царил другая.

Что с собой принесут сновидения, никто не может предугадать, но на этот раз они его не разочаровали. Та, которая существовала только в его воображении, сошла со страниц книги и прильнула к его плечу. А вокруг был океан, и в его нежных вздохах можно было разобрать слова колыбельной. Вместе они плавно погружались все ниже и ниже в теплой ласкающей воде, он боялся ее разбудить и только слегка приобнимал почти невесомое тело, затянутое в гладкий скафандр. Пряди ее длинных фиолетовых волос стремились вверх, в обратную сторону от движения, напоминая плети диковинных водорослей. Жаль только, что ее лица он не мог видеть, по блажи сна глядя только вперед. Держа свободной рукой снятый с ее головы шлем, он мечтал никогда не просыпаться.

Вскочила с кровати Эля очень рано и, убедившись, что друг снова спокойно спит в гамаке, быстренько оделась и тихо улизнула из дома. Возможно, Эмиль был в смертельной опасности, и она не могла ждать ни минуты. Уже на улице отыскав контакты одной из клиенток,

она, несколько раз попадая не на те цифры, все же набрала нужный номер. Еще в предутренней дреме в голове девушки всплыл разговор двухлетней давности: очень экстравагантная особа, когда-то заказывавшая у Эли дизайн броской настольной лампы, говорила о своей необыкновенной родственнице, умевшей лечить больных и находить пропавших. Получив у недовольной утренним звонком женщины адрес провидицы, и вместе с этим однозначный отказ от дизайнерских услуг в будущем, Эля чуть успокоилась. Она нуждалась в действиях, немедленных действиях.

Улица находилась на другом конце города, там, где новомодные высотки последних лет перемежались с грустными хрущевками. Но оказалось, что Эле нужно не в те и не в другие. Тротуар заканчивался захламленным проулком, открывавшим жалкий вид на самые старые строения города, из которых, как это водится, уже порядком сыпался песок. Неказистые домики жались друг к другу так плотно, словно испуганные или замерзшие, и каждый провожал Элю мутными стеклами окон и облаивал своей персональной озверелой дворнягой, честно отработавшей свой хлеб.

В шестом по счету жила та самая женщина. Она без особых расспросов открыла скрипучую калитку и провела девушку в дом с весьма специфическим антуражем. Каждая вещь здесь говорила о занятиях хозяйки. Бесчисленные склянки с жидкостями всевозможных оттенков невзначай нашептывали о том, каких «принцев» можно к себе приворожить, не заботясь о последствиях. Пучки трав, свисавшие прямо с потолка, шуршали о злых духах и невзгодах, которые способны отпугнуть, а разнообразные талисманы, разложенные на всех горизонтальных поверхностях, заверяли в своем таланте привлекать счастье, удачу и деньги.

– Боишься? – слегка щуря глаза, спросила пожилая неопрятная хозяйка в намотанном вокруг головы цветастом платке.

– Нет, – поспешно ответила Эля, не поняв истинного смысла вопроса. Дом пах бедностью, старым, так и не зажившим до конца горем и, как ни прискорбно, глупостью, сломавшей жизнь; но удушающего запаха опасности в нем отродясь не водилось.

– Тогда чего пришла? – недружелюбная женщина плюхнулась в старое, отчаянно скрипящее кресло-качалку.

Эля осторожно примостилась рядом на расшатанный табурет.

– За сына боюсь, – нашлась она.

Женщина сверлила ее тяжелым взглядом, и на миг Эле показалось, что рентгеновское зрение встречается не так редко, как говорят. Она все ждала, когда в действие пойдут карты или осмотр линий на руке, но «колдунья» только пристально ее рассматривала да что-то шептала себе тихо под нос:

– ...погибнет, но останется жива... ейный ребенок, а пуповины-то и нет... а он-то не сможет отпустить, глазами черными вопьется и всю жизнь будет в себе носить, полный по горлышко...

Мысли девушки блуждали, как пьяные, цепляясь за странные бессвязные слова хозяйки, пока не выловили что-то про мужчину, что-то совершенно бредовое, Эли не касавшееся. Слова вырвались сами собой, будто за язык кто дернул:

– Вы не правы, глаза у него каре-желтые. – Взгляд Яна всплыл из памяти, не заставив себя долго ждать.

– А мы с тобой о разном, девонька, о разном, – вдруг неприятно хихикнула женщина, но тут же помрачнела. – А сына твоего нет среди людей.

– Как? – вскочила Эля и тут же обессиленно опустилась обратно; одна из шатавшихся ножек жалобно хрустнула, и девушка рухнула на пол.

– А так, – подавая не слишком чистую руку, ответила хозяйка, – не вижу я, а значит, нет его.

– Не может быть, – зашептала помертвевшая от страха Эля, прекратив тереть ушибленное место. – Он же не ...?

– Я и не говорю, только жизнь, она разная бывает. Ребенок у тебя есть, твой, только твой, но не кровь от крови, не плоть от плоти, как у людей.

– Его моя сестра родила, – понимающе кивнула Эля.

– Да знаю, – раздраженно махнула рукой женщина. – Не о том я толкую. Как объяснить, если сама не пойму.

От волнения Элино сердце заколотилось о ребра, и этот звук слышала не только она, но и «колдунья». Казалось, еще немного, и девушка узнает нечто важное, то, за что и стоит цепляться в поисках, но хозяйка дома одним махом развеяла всякие надежды:

– Ты иди, ничего больше не скажу. Его вижу хорошо, тебя вижу, но недолго, а мальчик твой – он даже не дышит, ну как я его найду?

Внутри Эли все похолодело, с трудом передвигая ногами, она еле добрела до двери, опомнившись, вытасила из кармана купюру и положила на серую от пыли полку. Сеанс ясновидения не занял и десяти минут.

У самого выхода ей вдогонку бросились слова:

– Мало времени, ох как мало. Жаль, он только вдохнуть тебя успеет, а ты уж неживая поди...

Эля едва ли обратила внимание, последняя фраза не касалась Эмилия, а значит, была абсолютно неважна. Очень хотелось снова расплакаться, но на это не было времени, ее сын нуждался в помощи. Переступив порог, девушка приблизила к лицу руку в перчатке без пальцев и вдохнула знакомый аромат кожи, чтобы прогнать из памяти запахи обреченного дома и стряхнуть с себя его энергетику. Она была уверена, что сын жив, и искала ответы совсем на другие вопросы, – ответы, которые тут, к сожалению, не водились.

Обдумывать сказанное женщиной у Эли не было желания, но слово «шарлатанка», в сердцах брошенное Лемом, когда он наконец до нее дозвонился, тоже не было принято как истина. Женщина не лгала, она видела то, что видела, вот только признавать ее реальность Эля не просто отчаянно не хотела, а не могла физически.

В половину третьего она уже сидела в машине Лема, готовая к новой встрече. Друг мягко ее отчитывал за неразборчивость в выборе нужных людей.

– Прошу тебя, ну пожалуйста, не надо посещать в одиночку всех претендующих на паранормальные способности жителей города. Ну, во-первых, это лишняя трата времени, а во-вторых, можно нарваться на неприятности. Давай ко всему подходить разумно, насколько мы вообще способны на это. Если с тобой что-нибудь случится, Ян мне голову откусит.

– Лем, я не могу ждать. Мне нужны ответы сейчас. Ему плохо там, понимаешь? Он зовет, он ждет меня. Он беззащитная трехлетняя кроха, а я тут прохлаждаюсь.

Пока светофор неумолимо горел красным, Лем задумчиво выстукивал по рулю пальцами.

– Хорошо, мы постараемся действовать как можно быстрее, но для этого пообещай, что без меня ты не будешь ни к кому ходить. Эмилию не поможет, если с тобой что-нибудь случится.

Это был самый веский аргумент, и девушка кивнула. Она отрешенно смотрела в окно, стискивая свое дикое, не желавшее подчиняться воображение, в противном случае могли появиться окружавшие Эмилия ужасы, а это было выше ее сил.

Впервые в жизни даже пробки на дороге нервировали, ей все казалось, что они едут слишком медленно и что, если не дай бог опоздают, встречу придется переносить на неопределенный срок. Пока доехали, Лем успел решить по телефону тысячу вопросов, а Эля замучилась ожиданием и искала тонкие губы.

В отличие от утреннего адреса это был престижный район города с шикарными многоэтажными пентхаусами и манящими торговыми комплексами. Но сам сеанс, так сказать, ясновидения не только Элю разочаровал, но и Лема заставил задуматься о более качественном

отборе экстрасенсов. Нельзя сказать, что ухоженная женщина лет сорока пыталась их облапошить, оперируя пространными и многозначительными фразами, как это делают например цыганки. Напротив, она очень четко отвечала на некоторые из поставленных вопросов, но конкретики о мальчике добиться от нее было невозможно. Казалось, она может рассказать Эле абсолютно обо всем: о прошлом, о настоящем и даже фрагментарно о будущем, – но вот тема Эмиля ей никак не давалась, она плавала в ней, как умный, но ленивый студент на экзамене. Как только девушка пыталась поподробней расспросить о сыне, мадам-экстрасенс, чуть подумав, переключалась на то, что видела более четко. В конце концов Лем решил по-своему проверить ее профпригодность.

– Расскажите, пожалуйста, как проходили Элины роды, – прервал он подробное описание собственного детства. – Помнишь, дорогая, как тяжело тебе пришлось? – подмигнул он подруге, пока экстрасенс отрешенно смотрела в пол, сжав виски напряженными пальцами.

– Роды? – женщина заколебалась, но лишь на секунду. – Позвольте, но у вас родов не было... – и затем продолжила, с каждым словом сама поражаясь тому, о чем говорила: – Он сам к вам явился, по собственной воле...

На столе лежала карта России, которой, судя по некоторой затертости, пользовались часто. Женщина время от времени проводила над ней рукой, а затем словно стряхивала с кисти нечто невидимое гостям, при этом смотрела она куда угодно, только не на карту. Экстрасенс оторвалась от созерцания пола и впилась в Элю полубезумным взглядом.

– Вы не можете родить ребенка. Там закрыто все, – женщина указала пальцем на Элин живот, а потом перечеркнула в воздухе крест-накрест.

Эля плотней прижала к себе сумку, инстинктивно закрываясь.

– Нас не интересуют такие подробности, – поморщился Лем. – Просто ответьте, где наш сын?

Женщина некоторое время комкала в руках выхваченный из ящика платок, затем долго терла им стильные очки в качественной оправе и наконец сдалась:

– Не знаю. Извините, впервые такая незадача. Плату я с вас, естественно, не возьму.

Она приподнялась, собираясь проводить неудачливых клиентов, но Эля не хотела так просто сдаваться. Она сразу поверила женщине и легко представила, что Эмиль для ее способностей как нечто закрытое, но необязательно же смотреть прямо, можно же описать, что вокруг.

– Подождите.

Женщина снова опустилась в кресло, хотя по раздосадованному лицу отчетливо читалось, как не хочется ей продолжать беседу: осечка в работе собственных способностей давалась ей тяжело.

– Давайте попробуем подступиться через другие вопросы, – предложила Эля. – Вы видите меня в прошлом одну?

Экстрасенс задумчиво потерла ладонь о ладонь, словно согревая руки.

– Нет, вы никогда не были одна. Сначала девушка старше, очевидно сестра, и друзья, – в подтверждение своих слов она взглянула на Лема. – Затем появился еще один мужчина...

– Вот, – напряженно подался вперед Лем.

– Какой-то вид родственной связи, но не кровной...

– Данил, – одними губами прошептала Эля.

– Дальше, я уже вам говорила, автомобильная катастрофа и смерть... две смерти и...

– Что?! – одновременно спросили Эля с Лемом, подавшись вперед.

– Еще одна жизнь, маленькая, ребенок. Только он появился еще до аварии, чуть раньше, – от напряжения женщина закрыла глаза, и ее немолодой уже лоб собрался складками.

Она надолго затихла, но, когда Лем решился прервать молчание, Эля жестом попросила его остановиться. Молодой человек пожал плечами и стал разглядывать скучную обстановку комнаты, больше всего напоминавшей рабочий кабинет какого-нибудь профессора.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем экстрасенс, не открывая глаз, снова заговорила:

– Не хочу пугать, но ваш ребенок не принадлежит миру людей.

– Значит, вы все-таки его увидели! – обрадовалась девушка.

– Вы действительно хотите это услышать?

– Иначе бы мы не пришли, – хмыкнул Лем. Последние полчаса он только и думал, что сидят они здесь совершенно напрасно.

– Ну хорошо. В вашем прошлом ребенок действительно есть. Сразу я его не обнаружила только потому, что искала так, как ищу обычно людей, – по человеческой ауре, теплу. Но его я увидела совсем по-другому. Приблизительно так я обычно вижу души, не желающие после смерти покидать наш мир.

– Вы о привидениях? – не удержался от вопроса Лем.

– Это слишком грубая и мало объясняющая трактовка данного явления.

– Он жив, – упрямо замотала головой Эля, и ее глаза моментально наполнились слезами.

– Я и не говорю, что он мертв. Я лишь сказала, что вижу его в вашем прошлом приблизительно таким образом, как вижу так называемые привидения. Но он не один из них, как и не один из нас. Это сложно объяснить, я столкнулась с таким впервые. Он не призрак и не совсем человек, он словно изображение человека, очень качественное отражение самых пространственных черт, которые могут быть в ребенке. Как бы вам это поточнее объяснить... Представьте, что наш мир – это плоская картина, и несмотря на то, что каждый изображенный на холсте персонаж может отличаться палитрой цветов, все же всех их объединяет состав красок, текстура холста, наконец, рука творца-художника. Вы следите за моей мыслью?

Лем задумчиво выгнул бровь. Эля лишь напряженно молчала, боясь пропустить хоть слово.

– А теперь предположим, что на картину сверху наложили прозрачную пленку, на которую уже не художник-авангардист, а, к примеру, профессиональный мультипликатор нанес маркерами еще одного персонажа, но в той же цветовой гамме. С виду он похож на всех остальных персонажей картины, но по факту не имеет к ним никакого отношения, да и к миру их картины тоже. Понимаете?

– Смутно. Но предположим, что так. Как он оказался здесь, а главное, куда пропал?

– Затрудняюсь ответить, но, похоже, теперь кто-то убрал изображение мальчика с поверхности нашей реальности. Снял прозрачную пленку с картины.

– Что с ним сейчас происходит?

Экстрасенс только пожала плечами.

– Может быть, вы увидите, что его окружает? Опишете место, предметы вокруг? – с надеждой спросила Эля.

– К сожаленью, я вижу только наш мир – картину маслом, и несмотря на то, что могу чуть больше, чем остальные персонажи, все же до другого мира мои способности не дотягиваются. Я смогла разглядеть тот период прошлого, когда ваш сын соприкасался с нашим миром, но теперь у него с нами нет ничего общего и мне не за что зацепиться.

Лем не особенно удивился, это удачно вписывалось в некоторые из его предположений, а вот в Элиной голове никак не укладывалось то, что ее маленький мальчик не просто трехлетний ребенок.

– Но самое интересное в другом. Еще когда вы только озвучили свой вопрос и упомянули о наличии сына, я увидела, что вы приемная мать; как я уже говорила, в вашей ауре не просто нет доказательств того, что вы рожали, но и нет указания на то, что такое для вас вообще

возможно. Но при этом вы действительно его мать, на вас есть печать материнства, которую я не сразу заметила. И вот что удивительно: она бывает только у рожавших женщин, а вы совершенно потрясающее исключение.

От экстрасенса друзья ехали молча. Лему не давали покоя просчеты теорий с учетом новых сведений, а Эля чувствовала только всеобъемлющую пустоту, она безумно тосковала по сыну, несмотря на то, что с его исчезновения прошло чуть больше суток, а еще страдала от разрушительной безысходности. Казалось, что она тонет в бездонном желтом море зыбучего песка и не за что ухватиться для того, чтобы не погрузиться с головой, не говоря уже о том, чтобы выбраться.

Временным спасением могло быть только одно, – и она набрала знакомый номер:

– Мне очень нужно тебя видеть, давай в нашем месте.

На том конце не стали задавать лишних вопросов, а Лем, услышав, круто сменил маршрут и вместо севера города направил машину в сторону юга.

Когда они приехали в любимую кофейню, Янош уже сидел за столиком и пролистывал тоненькое меню, причем делал он это явно от безделья, список предлагавшихся десертов друзья уже давно знали наизусть. Молоденькую официантку словно пригвоздило к красавцу-посетителю, и Эля еще в дверях успела пожалеть бедняжку. Ян смотрел на нее приблизительно с тем же интересом, с которым рассматривал знакомый до мельчайших подробностей дизайн уютного зала.

Увидев приближавшихся друзей, Ян озвучил заказ, а присмотревшись к подавленной Эле, добавил к нему малиновый чизкейк. Присевшая напротив него подруга благодарно улыбнулась. Официантка напряглась и, записывая, принялась украдкой рассматривать прибывшую блондинку. Но, быстро заключив, что такой красивый парень просто не может встречаться с этой безвкусно одетой нелепой особой, расслабилась и в мыслях сделала блондинку и кучерявого шатена любовниками.

– Как совещание? – бросил Лем.

– С потерями, – устало ответил Янош, не отрывая взгляда от Эли.

Она смотрела в его глаза, и пустота, перемешанная с безысходностью, временно отступила. Он был таким сильным, таким непоколебимым, таким надежным в своем неизменно идеальном костюме и галстукке, что Эле захотелось взять немного его уверенности взаймы. Не медля ни секунды, она зачерпнула неполную горсть и долго пересыпала в руках, толком не зная, что с ней делать, а потом поднесла к сердцу и ощутила, как медленно она впитывается под кожу с едва заметным покалыванием.

Когда девушка очнулась, парни уже всю поглощали сладости. Лем пододвинул Эле блюдо с десертом, и она принялась заедать разочарования и тревоги этого дня.

Официантка обхаживала Яна, как назойливая женушка, и Эля отсчитывала четыре минуты: именно на столько обычно хватало его терпения. Когда они истекли, Ян не терпящим возражений голосом попросил девушку удалиться, та мгновенно побледнела и, расстроено опустив плечи, ушла.

– И почему тебя еще не презирает половина женского населения города? – удивился Лем.

– Потому что у этих прилипчивых дур туго с чувством собственного достоинства.

– Ну а те, у кого с этим все в порядке?

– У таких выдрессированные провалы в памяти. Их самолюбие просто не воспринимает отказов, и поэтому мозг резко вычеркивает меня из событий дня.

– Удобно, – развеселился Лем, на что Янош только отмахнулся и потребовал отчета о походе к экстрасенсу.

Эля рассказала. Друг, не изменяя себе, раскритиковал от и до и на том успокоился.

Они частенько собирались в этом месте и даже столик по возможности выбирали один и тот же, поэтому можно было на секунду забыться и представить, что все как обычно, но ни у кого из троих это не получалось. Все темы неминуемо сходились в одной точке.

– А помнишь, когда он только появился, ты не знала, что и как нужно делать, и мы в три часа ночи искали в Интернете схему заворачивания ребенка в подгузник?

– Да уж, Ян нас еще обозвал бездарями, а утром привел свою маму, как эксперта со стажем по вопросу пеленок и распашонок, – вспоминая, улыбнулась Эля.

– Да вы только благодаря мне тогда не угробили ребенка, – насупился Янош. – А когда у него резались зубы, ты доказывал, что налицо все симптомы вирусной инфекции, и Эльку чуть до инфаркта не довел.

Во всех разговорах этого дня правила деланная веселость, и в беззаботном смехе парней сквозила фальшь: они лишь хотели на время отвлечь Элю. Янош пока не получил утешительных новостей из полиции и от частного детектива, а Лем, наметив пару встреч с экстрасенсами на завтра, пытался украдкой продумать список самых правильных в данной ситуации вопросов. И оба не сводили глаз с девушки, серые и карие глаза следили очень внимательно, стараясь уловить в поведении подруги малейшие поводы для беспокойства, и каждый сканировал ее по-своему. Ян скользил взглядом по желтым шароварам, красному расшитому топу и черным перчаткам без пальцев, анализируя, не переходит ли сегодня всякие границы даже такая привычная для Эли взбалмошность в выборе одежды и не связано ли это как-либо с ухудшением ее душевного состояния. Лем же предпочитал смотреть глубже: сегодня Эля старалась ни на секунду не выпускать Яна из поля зрения, а это значило только одно: ей было очень тяжело справляться с самой собой.

– Когда ты закончишь эскизы? – спросил Ян, воспринимая как должное повышенное внимание девушки. Только лишь ее ничем не прикрытое обожание раздражало его, в отличие от непрерывного волочения других представительниц женского пола. – Я видел твои наброски. Это что-то вроде этажерки?

Эля оторвалась от созерцания любимого лица и сосредоточила внимание на вопросе.

– Ммм... нет, это стилизованный под современность идол, олицетворяющий плодородие. Не могу сейчас работать.

– Жизнь не закончилась, – начал Ян.

Подавленный взгляд стал ему ответом.

Но молодой человек не собирался смягчать смысл слов, он в принципе не умел делать плавнее острые углы:

– Рано или поздно его найдут, а за это время ты растеряешь всех и так немногочисленных клиентов.

– Переживу.

– Нет, не переживешь, пока его ищут, тебе надо чем-то занять свои мысли и руки. К тому же, несмотря на всю свою нелепость и нерентабельность, это дело доставляет тебе радость.

Лем в эту часть разговора не вмешивался, его мысли внезапно приняли неожиданный оборот и теперь витали слишком далеко. Он что-то усиленно искал в Интернете, казалось, еще немного – и его телефон заискрит от напряжения хозяина, затем кому-то звонил, задавал странные вопросы, долго вдумчиво слушал на них ответы и даже что-то записывал. Друзья не обращали особого внимания на его поведение: когда Лема осеяла очередная занимательная идея, он вел себя так, будто окружающий мир переставал существовать. И только когда парень сорвался со стула и устремился к выходу, Эля с Яношем прервали разговор. В дверях Лем обернулся и, подняв на прощанье руку, скрылся в неизвестном направлении.

Янош пренебрежительно хмыкнул. Поведение друга никогда не вписывалось в его понимание приличного.

На пути к Элиному дому Ян продолжил лекцию о том, как и почему подруге нужно себя вести. Она сняла сабо и, поджав под себя ноги, удобно устроилась на сиденье старенькой машины. Несмотря на отсутствие кондиционера и прочих благ современного автопрома, здесь она чувствовала себя комфортней, чем в броской иномарке Лема. Ян еще не заработал на хорошую машину и поэтому весьма агрессивно рассекал на подержанном российском «монстре» своей матери.

Молодой человек все говорил и говорил, азартно маневрируя на улицах большого города, и с каждым словом понимал, что его никто не слушает. Не то чтобы Эля его игнорировала, напротив, она, как всегда, смотрела с немислимой теплотой и ловила каждое слово, но одновременно было видно, что смысл сказанного до нее не доходит.

– Тебе не кажется, что наш друг влюбился? – вдруг ни с того ни с сего завела она, как раз когда Ян исчерпал логические доводы и собирался завершить все жирным выводом. Ян отличался удивительной способностью оставаться всегда правым.

– Ему можно, он взрослый, – стиснул зубы молодой человек. Как он и подозревал, Эля не уловила ни единого слова. – Вот уже полчаса я пытаюсь втолковать, что тебе необходимо продолжать жить, как жила, а значит, заниматься делами.

– Наверное, она совершенно удивительная и необычная, – как ни в чем не бывало продолжила девушка. Но ее воображение никак не хотело подстраиваться под такое описание, выдавая нечто холодное, невыразительное и скованное, как кукла.

Ян стукнул по рулю.

– Значит так, ты в ускоренном режиме доделываешь заказ, а затем сразу принимаешься за следующий.

Он с детства был центральной фигурой в ее жизни и поэтому долго привыкал к появлению Эмиля; от того странного ощущения сродни извращенной ревности давно не осталось следа, но если Эля вдруг, глядя в упор, переставала его видеть и слышать, Ян выходил из себя.

– У меня пока нет заказов, – с трудом переключаясь, ответила она.

– Уже есть. Придумаешь моей матери подарок на... да просто так. То, что ей придется по душе, только не очень громоздкое и поменьше выкрутасов, пожалуйста.

– Ей не понравится, – вздохнула Эля. – Как и тебе, вы с ней так похожи.

– А ты сделай так, чтобы понравилось. В процессе и новые клиенты появятся. Лем вроде недавно обновлял твой сайт. Посоветую тебя парочке знакомых, – парень стиснул зубы сильнее.

Сделанные Элей безделушки вызывали в нем как минимум недоумение и как максимум отвращение, и советовать уродливые предметы интерьера он никому бы не стал, не будь на то крайней необходимости. Но сейчас девушка балансировала на очень шаткой поверхности, и он намеревался любыми способами не дать ей упасть, – более того, удержать в рамках своего «правильно».

– В конце концов, может, тебе удастся извлечь из этого хоть какой-нибудь стабильный доход.

– Нам с Эмилем хватает денег, – попробовала вставить слово Эля.

– Подумай о том, что будет, когда твои спонсоры... – он пренебрежительно скривился, – перестанут вам их присылать. Ничто не вечно под луной. Тебе нужно будет как-то обеспечивать себя и ребенка.

– Ира бы тебя похвалила за эту проповедь, – вымолвила Эля и тут же помрачнела. – Господи, представляю, что она обо мне думает, видя отсюда, что я не уберегла Эмиля.

На последнем слове ее голос дрогнул, и, когда Янош припарковался, слезы уже всю стекали по порозовевшим щекам. Планы молодого человека на вечер резко изменились, он не мог оставить ее в таком состоянии.

Квартиру, темную и пустую, больше не наполнял детский радостный смех, и у Эли даже свет включать не было желания. Разувшись, она, не задумываясь, отправилась в детскую и, остановившись у окна, уперлась лбом в стекло. Слезы высохли, но это не имело значения, сердце и душа продолжали плакать. Вечер приглушил яркость красок ее одежды и завернул покатые плечи в кисею легкого полумрака. Ян последовал за ней и, споткнувшись о запчасты железной дороги, тихо ругнулся.

Теперь, находясь в квартире, Эля все время неосознанно прислушивалась, ждала, что сын снова ее позовет, но на этот раз мертвенно тихо было даже в ее воображении, поэтому звук пиликнувшей эсэмэс показался оглушительным. Ян читать ее не стал, удалил, как всегда, лишь взглянув на телефонный номер.

– Эта тебе тоже не подошла? – спросила Эля, не сводя глаз с погружавшейся в ночь детской площадки.

Последняя пассия Яна была идеальна, по мнению почти всех, как это ни странно, но молодой человек был не «всеми», и до его эталона красоты, ума, чувства юмора и сексуальности она не дотягивала.

– С ней скучно.

– А со мной? – тихо спросила Эля. Друг удивился до глубины души. Невзирая на то, что они оба знали, кто кого боготворит и кто кому не отвечает взаимностью, ни разу за многие года их общения это не стало темой для разговора, они всегда обходили ее, словно были совершенно уверены в том, что слова не могут выразить реальное положение вещей. На этот раз в безобидном вопросе таился глубокий подтекст.

– Ответь, мне нужно знать, – попросила девушка; ей вдруг показалось, что у нее очень мало времени и что этот разговор, для которого в их жизнях никогда прежде не находилось места, состоится либо сейчас, либо уже никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.